

Л. А. ЕЛЬНИЦКИЙ

ДРЕВНЕЙШИЕ
ОКЕАНСКИЕ
ПЛАВАНИЯ

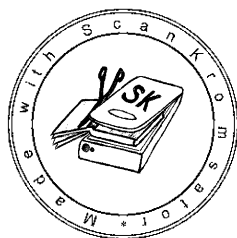

Л. А. ЕЛЬНИЦКИЙ

ДРЕВНЕЙШИЕ
ОКЕАНСКИЕ
ПЛАВАНИЯ*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1962

Книга посвящена интересному и еще во многом загадочному вопросу — океанским путешествиям древних народов. Она начинается рассказом о древнейшем из известных путешественников египтянине Синухете, жившем за две тысячи лет до нашей эры. Затем приводятся сведения об аргонавтах, воспетых прославленным древнегреческим поэтом Аполлонием Родосским, и о многих других древних океанских плаваниях. Автор сообщает некоторые новые данные, добытые им в многолетних исследованиях. Это делает книгу интересной не только для широких кругов читателей, но и для специалистов.

Художник Г. КЕТОВ

ВВЕДЕНИЕ

К глубокой древности человек передвигался по воде быстрее и легче, чем на суше. Реки и моря были для него издавна удобными дорогами. Разумеется, древнейшее мореплавание осуществлялось вдоль берегов, будучи, как теперь говорят, каботажным. Эта особенность древнего мореплавания не могла не влиять на первоначальные человеческие суждения о форме суши и морей и в связи с этим о строении и форме Вселенной.

Реальный географический опыт всегда имел определяющее значение в выработке человеческих представлений о населенном людьми пространстве. Можно не колеблясь утверждать, что в основе любых космологических идей, даже самых туманных и самых фантастических, все же лежит реальный географический опыт.

Таким образом, древние представления о Земле, насколько они прослеживаются по дошедшим до наших дней географическим описаниям, содержащимся в художественных,

религиозных или научно-философских сочинениях древних египтян, вавилонян, сирийцев, греков и других средиземноморских народов, основаны преимущественно на опыте мореплавания. Оно гораздо более, чем сухопутные передвижения человека, раздвигало его географические горизонты, позволяя судить более свободно о форме и величине суши и морских просторов.

Совершенно естественно, что наиболее простым обобщением наблюдений над формой земной поверхности является представление о ней, как о плоском диске. Это представление определяется обозримым для глаза горизонтом. В виде диска мы находим Землю на древнейших вавилонских изображениях (восходящих к представлениям III тысячелетия до н. э.), где суша показана в окружении воды, которая изображена в виде огромной таинственной реки, получившей у древних греков название Океана¹. На одном берегу этой реки обитали живые люди, другой же ее берег представлялся недостижимым и принадлежащим потустороннему миру: на нем обитали умершие предки. Их души как бы переплывали через Океан и переселялись в находящуюся на другом его берегу Страну блаженных (или на расположенные в Океане острова). Подобные примитивные представления о Земле были свойственны различным древнейшим народам, стоявшим на начальных ступенях развития культуры. Они располагали весьма небольшими возможностями передвижения, а поэтому имели очень ограниченный географический кругозор.

Однако древние люди не вовсе лишены были средств сообщения. Их различные изображения (наскальные рельефы, рисунки на глиняных сосудах и т. д.), относящиеся ко II тысячелетию до н. э., убеждают в наличии у тогдашних культурных народов Средиземноморья (эгейцев, египтян, сирийцев и др.) морских гребных и парусных кораблей, на которых могли совершаться уже сравнительно далекие плавания. Развитие мореплавания во II тысячелетии до н. э. определялось развитием производства: в первую очередь нуждами металлургии² и торговли различными изысканными товарами и предметами роскоши. Археологические на-

¹ Слово это, по-видимому, не греческого происхождения и заимствовано из финикийского (арамейского) языка.

² О размерах древней металлургии бронзы и железа позволяют отчасти судить остатки металлического производства на о. Эльба близ берегов Италии и на побережье Тосканы (в районе древней Популонии).

ходки и древние письменные документы убедительно говорят, что металлы и изделия из них, а также всякого рода драгоценные украшения и экзотические товары перевозились зачастую на большие расстояния. Географическое осмысление пространства, познанного в результате этих плаваний, расширяло и обогащало общие представления о земной поверхности, но далеко не сразу их систематизировало и проясняло.

Географические представления о значительных земных пространствах, насколько они отразились в письменных памятниках II тысячелетия до н. э., оставались еще весьма смутными и неопределенными. Такова, например, география известного древнеегипетского «Рассказа египтянина Синухета», относящаяся к началу II тысячелетия до н. э. и допускающая иногда весьма свободные толкования встречающихся в этом рассказе географических подробностей.

Рассказ Синухета ведется от лица автора — высокопоставленного египетского чиновника, бежавшего из Египта в Сирию после смерти фараона Аменемхета I

(1991—1972 до н. э.) и прожившего там долгое время. Из этого повествования выясняется, в частности, что египетские предприниматели и торговцы еще на рубеже III—II тысячелетий до н. э. проникали в Северную Сирию и, вероятно, имели там торговые фактории, что подтверждается новейшими археологическими находками в таких пунктах, как Рас Шамра и Тель Атхана.

«Потом я пошел на север и прибыл к стене правителя, выстроенной для отпора азиатам¹, для поражения проходящих по пескам [т. е. кочевников-бедуинов]². Здесь я согнулся в кустах, чтобы меня не заметили часовые на стене. Ночью я пошел дальше. На рассвете я достиг Петена [местоположение неизвестно] и остановился на полуострове

¹ В районе Суэцкого канала существуют остатки древних укреплений, быть может, соответствующих упомянутому в тексте этого рассказа.

² В квадратных скобках здесь и дальше текст или автора данной книги, или переводчика.

Кемуэра [отожествляется известными египтологами Дж. Брестедом и Б. А. Турасвым с местностью к северу от Суэцкого залива]. Напала на меня жажда, она настигла меня, я задыхался, мое горло пылало, и я сказал: это вкус смерти. Я поднял свое сердце и собрал свои члены, когда услышал звук блеющих стад; я заметил азиатов. Один из бедуинов, бывавший в Египте, узнал меня. Он дал мне воды, сварил для меня молока. Я пошел с ним к его племени. Со мной обошлись хорошо. Страна передавала меня стране. Я удалился из Библа [древнефиникийский город на восточном берегу Средиземного моря] и пошел в Кедем [район к востоку от Иордании, известный под этим наименованием также и из Библии (Книга Бытия, 29, I)]. Там я пробыл полтора года. Аммиенша, князь верхнего Ретену [древнеегипетское наименование

для Северной Сирии и области за рекой Оронтом (современная р. Нахр-эль-Аси)], принял меня и сказал мне: «Тебе у меня будет хорошо, ты услышишь египетскую речь». Это он сказал мне, ибо знал, кто я, и слышал о моих способностях — ему засвидетельствовали это египтяне, нахо-

дившиеся там у него»¹. Не менее интересный рассказ, относящийся приблизительно к тому же времени, что и «Рассказ египтянина Синухета», сохранился на папирусе, приобретенном и опубликованном впервые русским египтологом В. С. Голенищевым в начале нынешнего столетия. Он повествует о путешествии и о кораблекрушении, происшедшем в Красном море или, может быть, даже в Индийском океане:

«Я расскажу о случившемся со мною, когда я отправился в рудники царя. Я спустился к морю на корабле в 150 локтей длиной и 40 шириной. На нем было 150 матросов, самых отборных в Египте. Они видели небо, они видели землю, и сердца их были мудрее львов. Они предсказывали бурю раньше, чем она наступила, и непогоду — прежде, чем она появлялась. Буря разразилась, когда мы еще были в море и не успели причалить. Налетел ветер и поднял волны до 8 локтей. Я схватил пучок дерева, а все бывшие на кораб-

¹ Текст рассказа приведен в переводе Б. А. Тураева «Рассказ египтянина Синухета». М., 1915.

ле погибли. Никто из них не спасся. Меня волна выбросила на остров. Здесь я оставался три дня один, имея спутником только собственное сердце. Я заснул в кустах, и тень объяла меня... Я услышал звук грома и подумал, что это рокот волн. Деревья трещали, земля содрогалась. Я открыл лицо и увидел, что идет змей в 30 локтей, с бородой более чем в два локтя... Он сказал мне: «Не бойся, не бойся, малый, не беспокойся... ты проведешь здесь месяц за месяцем, пока не окончишь внутри этого острова четыре месяца. Тогда из столицы придет корабль; на нем будут матросы, которых ты знаешь... Я царь Пунта... мне принадлежит мирра и благовонные масла... их много на этом острове...»

Корабль прибыл, как он предсказал... он дал мне груз из мирры.., мази для глаз, жирафьих хвостов, большое количество ладана, слоновой кости, собак, обезьян и всяких дорогих вещей. Я нагрузил это на корабль и упал на живот, благодаря его. Он мне сказал: «Ты придешь в столицу через два месяца, ты обнимешь своих детей...»¹

Это географически весьма туманное повествование о плавании в страну Пунт, находившуюся, видимо, где-либо у нынешнего сомалийского побережья Восточной Африки, содержит все же некоторые конкретные детали, касающиеся срока плавания в эту страну и тех грузов, которые интересовали древнеегипетских мореплавателей. Много в нем и сказочных подробностей, какие свойственны, как увидим в дальнейшем, и другим, более поздним, описаниям океанских плаваний, хотя и обладающим уже несколько более отчетливыми географическими деталями.

Почти столь же неопределенна и география древнейшего рассказа о плавании мифического древнегреческого корабля Арго, сохранившаяся, как это установлено современной наукой, в гомеровской поэме о странствованиях Одиссея и основанная на действительных географических пред-

ставлениях, уходящих глубоко во II тысячелетие до н. э. Эта география довольно легко распознаваема и отождествима с

¹ Перевод в книге Б. А. Тураева «История Древнего Востока», т. I, 1936, стр. 250 сл.

современной географической картой в пределах Эгейского моря, Восточного и Западного Средиземноморья, вплоть до о. Сицилии, но не далее. Сообщения же о Черном море и водных пространствах к западу от Мессинского пролива смутны, сказочны и явно связаны с представлениями о потустороннем, мифическом океане. Вход в Черное море преграждают сталкивающиеся скалы — Планкты или Кианеи, вход в западные воды стерегут не менее страшные морские чудовища — Скилла и Харибда.

Гомеровский эпос, как произведение чисто художественное, не мог включить в себя конкретные элементы географии первоначальных сказаний Аргонавтики, а сохранил лишь ее сказочные черты. Мы узнаем, однако, из ее более поздних пересказов, что золотое руно, ради которого пускаются в плавание греческие герои-аргонавты, символизирует находящиеся где-то вдалеке драгоценные металлы. Сказочная страна Колхида, в которую плывут аргонавты, именем своим перекликается с греческим наименованием меди — халкос.

В своих блужданиях по морям аргонавты прибывают на о. Эталию, находящийся близ западных берегов Италии и отождествляемый с о. Ильвой (Эльбой)¹, знаменитым в древности своими выработками железной руды — материальной основой древнеэтрусской культуры. Присутствие в сказании об аргонавтах легенды о происхождении янтаря, служившего в древности предметом широкого спроса и доставлявшегося в Средиземноморье с берегов Балтики, также показательно в отношении определения целей и задач древнего мореплавания.

Однако при знании этих отдельных конкретных черт легенды о плавании аргонавтов у нас нет возможности восстановить общие географические представления ее древнейших творцов. Мы можем лишь думать, что все предприятие аргонавтов представлялось плаванием по Океану и мыслилось как путешествие в потустороннем мире. Отдельные замечания толкователей этой легенды из числа наиболее древних греческих географов и мифографов VI—V вв. до н. э. (Гекатея, Ферекида и др.) удостоверяют, что истоки рек Фасиса (Риона), Нила, Истра (Дупая), по которым плавали аргонавты, лежат на Океане или в непосредственной близости от него. Это представление и позволило аргонавтам, плывшим в

¹ В скобках здесь и далее приводятся современные названия географических объектов.

Океан по р. Фасису, возвратиться в Средиземное море по Нилу, как рассказывал в утраченной эпической поэме Гесиод, поэт VIII—VII вв. до н. э.

ДРЕВНЕ- ГРЕЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЗЕМНОЙ ПОВЕРХНОСТИ И ОБ ОКЕАНЕ

Океан, таким образом, представлялся древним грекам в виде таинственного водоема, из которого истекали все моря и все реки. Выразители этих географических представлений из числа древнегреческих ученых продолжали существовать еще и в то (эллинистическо-римское) время, когда, казалось бы, реальный

географический опыт не оставлял более места для подобных фантазий. Но они, излагая древние мифы, находили выход из области действительности в область мечтаний, признавая наличие подземной связи у тех или иных морей и рек с Океаном. Такого рода уступки мифологии имеются даже и у величайшего философа древности — Аристотеля (384—322 до н. э.).

Полное отрицание существования мифического омывающего со всех сторон сушу Океана было высказано впервые еще в VI в. до н. э., когда у ионийских географов понятие Океана было заменено выражением «Внешнее море».

О том же, что все водные пространства, в том числе и океанские, окружены со всех сторон сушей, думал еще и во II в. н. э., в пору наивысшего расцвета древней географической науки, знаменитейший географ Птолемей; он исходил, разумеется, не из практических знаний, а из теории, представлявшей ему, однако, вполне научной и гораздо более правдоподобной, чем допущение существования полусказочного вселенского океана. Утверждая это, он вступал в прямое противоречие с данными эллинистической науки, основанными на географическом опыте эпохи Александра Македонского и всех предшествующих времен, подытоженным и осмысленным великим александрийским физиком и географом Эратосфеном (276 — 194 до н. э.). По представлениям Эратосфена, земная суша была окружена океаном, но уже не мифическим и потусторонним, а реальным водным пространством, вовсе при этом не безграничным. Эратосфен

представлял себе земную поверхность шарообразной и впервые научным способом измерил длину земного меридиана¹, совершив при этом лишь сравнительно небольшую ошибку против нынешних исчислений. Не приходится, однако, забывать того, что земная поверхность фактически была известна в древности лишь на очень небольшом протяжении с запада на восток (от Гибралтарского пролива до р. Ганга) и того менее с севера на юг (от о. Туле, отождествляемого с западной частью Скандинавского полуострова и до о. Тапробана — Цейлона). При этом знание об отдаленных местностях основывалось и в эпоху Эратосфена, да и гораздо позже, лишь на единичных и довольно туманных, не лишенных сказочного элемента описаниях, которые далеко не всеми принимались на веру.

Поэтому-то позднее Птолемей и считал возможным настаивать на вероятности соединения Ливии (африканского материка) с Европой где-то далеко на западе и с Азией где-то далеко на востоке. Многие же из предшественников Птолемея считали Ливию (Африку) окруженной со всех сторон морем. В доказательство этого приводились рассказы о якобы кругосветных плаваниях или другие, подтверждающие их мнение, соображения и факты.

Именно отношение к описаниям океанских плаваний, служивших источником для географических теорий, делило древних ученых-географов на два противоположных лагеря: признающих или отрицающих существование единого и омывающего земные материки океана. Спор этот проходит через всю древность, начиная с Анаксимандра (610—546 до н. э.), составителя древнейшей греческой карты мира, восстанавливаемой ныне лишь предположительно, и Гекатея из Милета (жил на рубеже VI и V вв. до н. э.), составителя древнейшего «Землеописания» (дошедшего до нас лишь в кратких отрывках), об общих соображениях которого мы

¹ Эратосфен принял расстояние между Сиеной и Александрией (в Египте), как равное 5000 стадиям (1 стадий Эратосфена составляет около 157 метров). Астрономические измерения он производил при помощи солнечных часов, давших ему по тени, отбрасываемой в Александрии в день летнего солнцестояния, соотношение длин небесного и земного меридианов, равное $\frac{1}{50}$. На основании этих вычислений земная окружность оказалась равной 250 000 стадиям, или, с привнесенной позднее поправкой, 252 000 стадиям, что весьма близко соответствует действительным размерам земного меридиана, равного 40 007 километрам против 39 690, исчисленных Эратосфеном.

можем судить лишь по географическим представлениям младших его современников — Эсхила (525 — 456 до н. э.) и Геродота (484 — 425 до н. э.).

Древнейшие сообщения об океанских путешествиях, с которыми мы познакомимся ниже, позволяют получить довольно полное и в то же время объективное представление о тех фактических данных, какими располагала древняя география и на основании которых складывались господствовавшие в ней общие представления о земной поверхности.

ДРЕВНЕЙШИЕ ПЛАВАНИЯ ПО ЭРИТРЕЙСКОМУ МОРЮ /ИНДИЙСКОМУ ОКЕАНУ/

К страны Ближнего Востока, в особенности Месопотамия (междуречье Тигра и Евфрата), с глубокой древности были связаны с бассейном р. Инда. Об этом свидетельствует известная близость материальных памятников Мохенджо Даро и Хараппа — древнейших культур эпохи металла в Индии, — так же как и некоторых символических знаков древнеиндийского письма, к соответствующим памятникам письменности и культуры древнего Двуречья.

Однако пути связей древнеиндийской культуры с культурой Шумера в точности еще не прослеживаются.

Предположительно можно говорить о большей реальности морских связей, поскольку сухопутные должны были затрудняться значительными пустынными пространствами, преодоление которых даже для привычного к лишениям и обладавшего хорошим хозяйственным обеспечением войска Александра Македонского в IV в. до н. э. оказалось сопряжено с весьма большими потерями и лишениями.

Во всяком случае, древневавилонские и древнеассирийские документы не содержат свидетельств о подобных связях и не рассказывают о каких-либо путешествиях в Индию. Древнейшие данные, позволяющие допустить проникновение ближневосточных купцов-мореплавателей столь далеко на восток, относятся к финикийцам и содержатся в Библии.

ПЛАВАНИЯ В СТРАНУ ОФИР

«(Книга Царств, III, 9, 27) Царь Соломон¹ построил корабли в Эзиоп Гебере², около Элота на берегу Красного моря в земле Эдома [область племени эдомитян (или идумеев). Расположена на территории нынешней Иордании.]. И Хирам [Хирам I (969 — 936 до н. э.) — царь древнефиникийского Тира] послал на тех кораблях вместе с рабами Соломона своих рабов, искусных в мореплавании. Они пошли в Офир и взяли там четыреста двадцать талантов золота, которое привезли царю Соломону. (10, 11) Корабли Хирама, привозившие золото из Офира, привезли также из Офира великое множество сандалового дерева и драгоценных камней. Царь сделал столбы из сандалового дерева в доме господ и в доме царя и арфы и псалтыри для певцов. (10, 22) Ибо царь имел на море корабли Таршиша³ вместе с кораблями Хирама. Раз в три года прибывали корабли таршиша и привозили золото и серебро, слоновую кость, обезьян и павлинов [одно из разночтений оригинала, вместо «павлины», содержит «рабы»]. (22,48) Иосафат [древнеиудейский царь (876—851 до н. э.)] построил корабли Таршиша, чтобы плыть в Офир

¹ Сказания о победоносных походах ассирийского царя Нина и царицы Семирамиды (отожествляемой с царицей Шаммурамат, жившей на рубеже IX-VIII вв. до н. э.) в Бактрию (в основном на территории современного Афганистана) и о неудачном походе в Индию принадлежат к области позднейшей греческой легенды, возникшей в основном после походов Александра Македонского.

² На месте Тель эль Келейф, холма, расположенного на берегу северной части Аравийского залива, где раскопками открыто поселение X в. до н. э.

³ Таршиш — город Тартесс в древней Испании или Тарс (в Малой Азии).

за золотом, но он не поплыл туда, потому что корабли разбились в Эзион Гебера».

Книга Царств рассказывает о торговых путешествиях во времена царя Соломона (X в. до н. э.) финикийских купцов из города Тира (быть может, и из города Тарса в Малой Азии, хотя следует думать, что выражение «корабли Таршиша» в данном контексте определяет лишь тип судов) в страну Офир, расположенную на юго-востоке от царства Израиля, в которую попадали по Красному морю, но отождествление и точная локализация которой представляются довольно сложными. Корабли финикийского царя Хирама и израильского царя Соломона, а позднее, видимо, также и иудейского царя Иосафата, отправлялись из Эзион Гебера (у современного залива Акаба близ одноименного порта на Красном море) в трехгодичное плавание на поиски золота и других изысканных восточных товаров. Древнеарамейские наименования этих товаров сближаются в современной науке с соответствующими санскритскими словами. Самое наименование Офира сопоставляется с древнеиндийским племенным именем *Abhira*, помещаемым в Северной Индии. Однако по другим предположениям Офир следует искать в Омане (на юго-востоке Аравии), на о. Мадагаскаре или на юго-востоке Африки.

Как бы то ни было, все же вполне вероятно, что Офир находился за пределами Баб-эль-Мандебского пролива и что в рассказах о финикийских плаваниях в эту страну содержатся первые смутные намеки на связи Восточного Средиземноморья со странами, лежащими на берегах Индийского океана.

После этих путешествий, относящихся к X — IX вв. до н. э., ко времени наибольшего расцвета финикийского мореплавания, до конца VI в. до н. э. ничего более не известно о морских связях ближневосточных стран с Индией. Однако и нет оснований думать, что подобные отношения были полностью прерваны. Наоборот, следует скорее считать, что в эпоху возвышения Ассирии (IX — VII вв. до н. э.) были нащупаны и налажены сухопутные связи и проложены те дороги в Индию через Каспийские ворота (по южному берегу Каспийского моря), которыми позднее воспользовался Александр Македонский. Об этом, к сожалению, нет никаких других данных, кроме уже отмеченных (на стр. 14 прим. 1) позднейших греческих легенд о Нине и Семирамиде. Путь этот, во всяком случае был уже открыт в конце

VI в. до н. э., в царствование персидского царя Дария I Гистаспа, с именем которого связан древнейший греческий рассказ о плавании по Эритрейскому морю (Индийскому океану), сохраненный для нас Геродотом.

«(Геродот, IV, 44).

Большая часть Азии была открыта Дарием [Дарий I (522—486 до н. э.) — древнеперсидский царь], когда он пытался узнать место впадения в море реки Инда — единственной, кроме Нила, реки, содержащей в себе крокодилов. В числе тех, от кого он ожидал прав-

дивных сообщений и кого послал для этой цели, находился Скилак из Карианды. Они отправились из города Каспатира и из области Пактиики¹ и вниз по реке поплыли в восточном направлении к морю. Через море они отправились на запад и на тридцатом месяце прибыли к тому месту, откуда египетский царь отправил упомянутых мною финикийцев [см. об этом ниже на стр. 28] объехать по морю вокруг Ливии [Африки]. После того как они проплыли вокруг Ливии, Дарий покорил своей власти индийцев и с того времени пользовался этим морем»².

Наиболее древний из известных, греческий путешественник по Индии — Скилак из карийского города Карианды (у юго-западной оконечности Малой Азии на берегу Эгейского моря) был земляком Геродота, о котором этот писатель мог бы, казалось, сообщить какие-либо подробности. Однако ничего конкретного о нем он не пишет. Путешествие вниз по р. Инду Скилак предпринимает из североиндийского города Каспатира (или Каспапира — точной локализации не поддается), известного уже и Гекатею Милетскому, написавшему свое «Землеописание» по крайней мере лет

¹ В Пенджабе, в северо-западной Индии. Более точно местоположение Каспатира, упоминаемого также Гекатеом (фр. 178: Каспапир, город Гандарики), неизвестно. Наименование области Пактиики сопоставляется в современной науке с санскритским местным наименованием Пушкалавати.

² Здесь и в дальнейшем тексты Геродота приведены по переводу Ф. Ф. Мищенко (Геродот. История в девяти книгах. СПб. 1882).

на 50 раньше «Истории» Геродота, примерно в то самое время, когда Скилак, по преданию, предпринял свое путешествие.

Это обстоятельство заставляет предположить, что иранские (а также и греческие) купцы знали дорогу в Северную Индию, и, может быть, уже в VI в. до н. э. они спускались по Инду.

Возможно, что столкновения древнеперсидского царя Кира Старшего (558—529 до н. э.) со скифами в закаспийских областях были связаны с открытием и использованием этих ирано-индийских торговых путей. Если бы не существовало подобной морской и сухопутной торговли и связанных с нею путешествий, то трудно было бы представить себе, каким образом Дарий или вообще кто бы то ни было в Иране или в Греции додумался до необходимости проверить возможность возвращения из Индии морским путем к Суэцкому перешейку.

Дарий, как это известно из сообщения Геродота, а также из найденных при прорытии в XIX в. Суэцкого канала древних надписей, возобновил существовавший ранее канал через Суэцкий перешеек из Красного в Средиземное море. Канал отделялся от Нила у нынешнего Эз-Заказика (древний Бубастис) и шел по Вади-Тумилат¹ через пустынную местность мимо Питома¹ и Суккота¹ к Большому Горькому озеру на Суэцком перешейке и оттуда к северной оконечности Суэцкого залива.

Геродот пишет об этом канале следующее:

«(II, 152) Длина канала — на четыре дня плавания, а широк он настолько, что по нему могут идти на веслах две триремы рядом. Вода в него проведена из Нила. Канал начинается немного выше Бубастиса, проходит близ арабского города Патума и впадает в Эритрейское море. Прежде всего он идет по той части египетской равнины, которая граничит с Аравией, у подножия того хребта, который тянется выше равнины к городу Мемфису и в котором есть каменоломни. У подножия этого хребта канал тянется с запада на восток, там уклоняется в сторону по направлению к югу и, проходя через ущелья, вливается в Аравийский залив. Кратчайшим путем от Северного моря [Северным морем древние египтяне называли Средиземное море] до Южного и Эритрейского считается тот, что идет от хребта Касия

¹ Современные наименования местностей.

[современное название этого хребта, или, точнее, горного плато, — Эт-Тих], отделяющего Египет от Сирии и составляющего до Аравийского залива ровно тысячу стадий. Это кратчайший путь. Канал гораздо длиннее, потому что он несравненно более извилист. При проведении этого канала погибло сто двадцать тысяч египтян. Нехо [египетский фараон (610—595 до н. э.), предпринявший окончившуюся неудачей попытку прорытия канала из Средиземного моря в Красное] приостановил работы на половине, будучи смущен изречением оракула, что он работает на варвара, а варварами египтяне называли всех, говорящих не на одном с ними языке).

На правом берегу канала, завершеного Дарием, возвышались четыре большие каменные плиты с клинообразными и иероглифическими надписями, от которых при прорытии Суэцкого канала в 60-е годы XIX в. были обнаружены незначительные обломки.

Обрывок одной из этих надписей на каменной плите гласит: «Я приказал, — говорит в ней царь Дарий, — вырыть этот канал от реки Пиравы [Нила], текущей в Египте, к морю, текущему из Персии. Этот канал был прорыт. Еще приказываю я, чтобы по этому каналу [шли корабли в Персию]».

На других обломках сохранились, быть может, отрывки описания пути по Красному морю в Иран, а также восхваления этого предприятия царя Дария, «равного которому не было в свете».

Такое грандиозное сооружение, как этот канал, не могло не поразить воображения современников; оно само по себе должно было быть порождено лишь наличием морских связей с восточными странами, а потому могло также послужить причиной для возникновения рассказа, соединяемого с именем Скилака из Карианды. С этим же именем в более позднее время связывалось «Описание Внутреннего моря» (т. е. Средиземного и Черного), появившееся, как полагают теперь, не раньше IV в. до н. э. С именем Скилака же связываются и отдельные отрывки сочинений «Об Индии» (или более пространного «Землеописания», содержавшего сведения об Индии), в котором сообщалось немало сказочных подробностей о скиаподах (т. е. «тененогих» людях с такими большими стопами, что они укрывались в их тени в жаркое время), отоликнах (людях с ушами, огромными, как крылья веялки), монофтальмах (одноглазых) и энотокоитах (спя-

щих на собственных огромных ушах). Уже одно это перечисление показывает, что сообщения об Индии, приписываемые Скилаку, содержали, по-видимому, мало реальных данных, но зато очень много всякого рода сказочных подробностей.

Так как Гекатей, Геродот и более поздние авторы, ссылающиеся на Скилака, называют очень мало местностей или племенных имен, связанных с побережьем Индийского океана или Красного моря, то, может быть, их почти и не было в том древнем сочинении, которое приписывается Скилаку.

Во всяком случае, все подлинно географические подробности, восходящие к описаниям, относящимся к VI в. до н. э., касаются лишь Северной Индии.

Из фрагментов сочинения Скилака, могущих относиться к юго-западу Индии, должен быть упомянут тот, в котором идет речь о живущих в пещерах пигмеях или троглодитах (эти наименования несколько позднее античные авторы стали применять к различным пещерным жителям восточных и южных стран).

От Скилака, через Гекатея Милетского могли стать также известны упоминаемые Геродотом мики — обитатели побережья Карманин (Керман) — о. Кира в Персидском заливе, а также и Камарены — острова близ южной оконечности Аравийского полуострова.

Возможно, впрочем, что эти древние описания Индии содержали уже и предположения о связи части азиатского материка с Ливией (Африкой) и о правдоподобности индийских истоков Нила.

Такие предположения высказывались на том основании, что в Инде, как и в Ниле, водятся крокодилы — мнение, которое многие разделяли еще и в эпоху Александра Македонского.

Что касается до сказочных мотивов, содержащихся в Скилаковом описании Индии, то они, несомненно, отразились еще до какой-то степени даже в рассказе о плавании по Индийскому океану, составленном Неархом — навархом (флотоводцем) Александра Македонского, руководившим знаменитым походом македонской флотилии на возвратном пути из Индии в Иран. Само это описание до нас не дошло, но им широко воспользовался греческий писатель II в. н. э. Арриан в своей книге об Индии и о завоевании ее Александром Македонским.

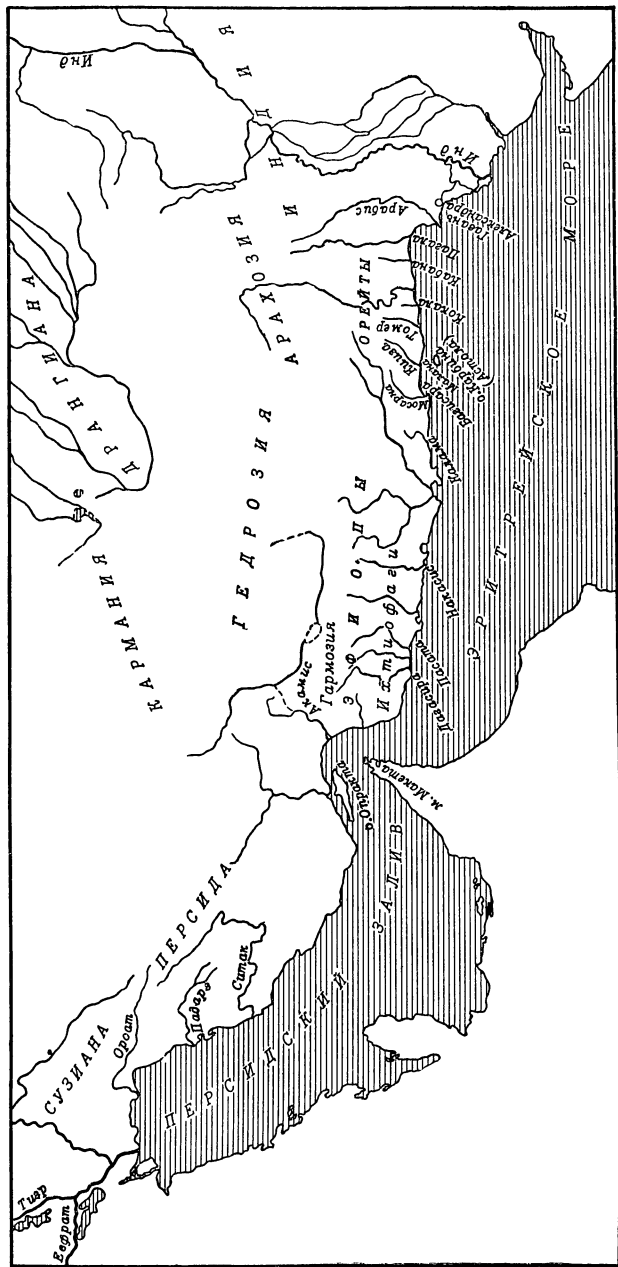
ПЛАВАНИЕ НЕАРХА

Арриан в этом сочинении приводит из Неархова описания морского пути настолько подробные выдержки, что имеется полная возможность судить об обстоятельности и достоверности географических и этнографических подробностей этого плавания.

Неарх выступил от устья Инда в конце сентября 325 г. до н. э. с командой около 5000 человек. Кроме того, на кораблях была и вооруженная охрана из сухопутных войск. Он хотел было дожидаться северо-западных муссонов, но ему пришлось отплыть на месяц раньше предположенного срока вследствие враждебности со стороны индийских племен. Из-за неблагоприятной погоды македонские корабли принуждены были отстаиваться на протяжении 25 дней в гавани Александра (современный порт Карачи), после чего они за пять дней достигли устья р. Арабис (нынешняя р. Порали или р. Хаб, километрах в пятидесяти к западу от Карачи). Во время плавания вдоль берегов племени орейтов, у которых была сделана остановка, они потеряли три корабля во время бури, но команда их спаслась вплавь. Добравшись до Кокалы (близ современного Гуринда), Неарх стал на якорь, сошел на сушу и соорудил лагерь для защиты от местных жителей. Пополнив свои запасы провиантом, подвезенным по распоряжению следовавшего сухим путем Александра, и починив корабли, он поплыл дальше при попутном ветре и добрался до р. Томер¹. Здесь он высадился, несмотря на сопротивление местных жителей, которых македоняне насчитали около 600. Неарх нанес им поражение и захватил некоторых в плен.

После нового ремонта судов Неарх отплыл на шестой день. Вскоре он достиг Маланы (современный Рас-Малан), откуда он плыл 20 дней вдоль берегов Гедрозии (соответствует современному Белуджистану), заселенных ихтиофагами («рыбоедами»). В первый день он проплыл Багисару (Кап-Сер у залива Ормира), на третий — Каламу (локализуется у маленькой речки Калами), где получил продовольствие у

¹ Речь идет, вероятно, о современной реке Хингор или реке Мукула, отстоящих друг от друга километров на семьдесят и не менее чем на сто пятьдесят километров от Карачи.

Карта к плаванию Неарха (325 г. до н. э.)

жителей. В ста стадиях¹ оттуда находился о. Карбина (или Карнина), о котором он сообщает со слов обитателей побережья легендарные подробности. Этот сказочный остров, по всей вероятности, о. Астола, находящийся в 50 километрах от мыса Рас-Джадди, являлся в древности, как, по-видимому, и в более позднее время, центром солнечного культа. Слава об этом острове проникла и в другую древнегреческую географическую и социально-утопическую литературу, о чем будет сказано ниже.

Прежде чем корабли Неарха добрались до Мосарны (современная Пасни), запасы зерна у македонцев совершенно истощились. В Киизе (отожествляется по созвучию с современной Куизой) они поймали несколько диких коз. В Мосарне они взяли проводника-лоцмана, который обещал доставить их до берегов Кармании (Керман). Плодородная местность и мирный народ были ими встречены у селения Барна (современный Гватер). У Киизы впервые они увидели китов, встрече с которыми Неарх посвящает весьма красочное описание. Далее, в бухте Гватер, для пополнения запасов продовольствия они напали на укрепленное поселение, но нашли лишь рыбную муку, которой преимущественно и питались жители. Лучшую пищу они увидели только в плодородной Кармании, где раздобыли зерна и фруктов. Вскоре путешественники увидели большой мыс, который, как оказалось, был мысом Макета (современный Рас-Мейдани, глубоко вдающийся в Оманский залив). Неарх отверг совет находившегося при нем ученого Онесикрита, предлагавшего плыть по Персидскому заливу вдоль берегов Аравии.

Вскоре флот достиг р. Анамис (отожествляется с р. Минаб) и плодородной Гармозии (близ современного Ормуза). Прервав дальнейшее плавание, Неарх направился внутрь страны (к современному Голашгирду) для встречи с Александром, о котором получил известие. Вернувшись оттуда, он, выполняя распоряжения царя, поплыл далее, обследуя северные берега и острова Персидского залива, пока не достиг порта Диридотис у устья Евфрата. Узнав о приближении Александра, он вступил в р. Паситигрис (отожествляется с р. Карун), поднявшись по которой, соединился с его войском.

Для того чтобы читатель получил представление о характере повествования Неарха, мы приводим несколько глав

¹ Стадий Арриана равен 200 метрам.

из названного выше сочинения Арриана, в которых он целиком опирается на Неарха.

«(Описание Индии, 23, 1) Отплыв от устья Арабиса [р. Порали или р. Хаб], они плыли вдоль страны орейтов; пройдя приблизительно 200 стадий, они остановились в Пагалах у скалистого берега с сильным прибоем, но для того, чтобы бросить якоря, место это было удобное. Экипаж оставался на кораблях в открытом море, те же, кто добывал воду, сошли с кораблей. (2) На другой день, двинувшись с рассветом и проплыв около 400 стадий, к вечеру они подошли к Кабанам [современная Кингала] и стали у пустынного берега. Так как и здесь у берега были подводные камни и сильное волнение, то корабли стали на якорь в открытом море.

(3) Во время этого плавания сильный ветер с моря обрушился на корабли, и при этом погибли два военных судна и одно легкое [кипрское] судно; люди спаслись вплавь, так как корабли плыли недалеко от земли. (4) Отчалив в середине ночи, они плыли вплоть до Кокал [современный Гуринд], которые от того берега, откуда они тронулись, отстоят на 200 стадий. Корабли оставались в открытом море на якоре, экипаж же Неарх высадил на землю и дал ему отдохнуть в лагере, так как все, сильно пострадавшие в море, жаждали передышки. Лагерь он укрепил стеной для охраны от нападения варваров.

(24, 1) Двинувшись оттуда, они поплыли с попутным ветром и, пройдя около 50 стадий, пристали у бурной реки, которая называлась Томер [современная р. Хингор]. (2) При впадении этой реки в море было болото; низины у берега населяли люди, жившие в тесных жилищах. Когда они увидели подплывавший флот, они почувствовали страх и, вытянувшись по всему берегу, стали в боевой порядок, как бы собираясь сражаться, если прибывшие станут высаживаться.

(3) У них были толстые копья длиной в шесть локтей, но у копий не было железных наконечников, а обожженное острие заменяло для них железо; числом их было до шестисот.

(4) Когда Неарх увидел, что они твердо держатся на месте и выстроились в боевом порядке вдоль берега, он велел кораблям стать на якорь в открытом море, на расстоянии полета стрелы, так чтобы стрелы с кораблей могли долетать до земли, копья же варваров, будучи тяжелыми, были при-

годны для рукопашного боя, при метании же издали они не представляли никакой опасности. (5) Неарх, выбрав тех из солдат, которые были наиболее подвижны, вооружены самым легким оружием и лучше умели плавать, велел им по данному сигналу броситься в море.

(6) Им был дан приказ, чтобы каждый из них, выплыв [на мелкое место], стоял в воде, ожидая следующего за ним товарища, и не нападать на варваров, пока фаланга не установится в глубину по три человека; тогда, подняв военный клич, бегом идти на них. (7) И тотчас же те, которые были для этого предназначены, стали бросаться с кораблей в море, быстро плыли и устанавливались в порядке. Затем, построясь фалангой, они подняли боевой клич в честь Эниалия [бог войны у греков] и бегом двинулись на врага. Бывшие на кораблях в свою очередь подняли крик и стали метать в варваров стрелы и снаряды из метательных орудий.

(8) Враги, испуганные блеском оружия и быстротой нападения, поражаемые стрелами и другими снарядами, будучи полуголы, не решились обороняться даже и короткое время и обратились в бегство. Одни из них во время этого бегства были убиты, другие захвачены в плен, а некоторые бежали в горы.

(9) У взятых в плен как все остальное тело, так и голова были покрыты густыми волосами, а ногти у них были как бы звериные когти. По словам Неарха, этими ногтями они пользовались как железным инструментом, прокалывали и раздирали ими рыбу и разрезали деревья, которые помягче. Другие же деревья они рубили острыми камнями, так как не знали железа. В качестве одежды они носили звериные шкуры, а некоторые и толстые кожи больших рыб.

(25, 1) Тут греки вытащили корабли на сушу и починили те из них, которые в чем-либо пострадали. На шестой день они отправились в дальнейший путь и, проплыв около трехсот стадий, прибыли в местность, которая была крайней в земле орейтов. Название этого места Малана [отожествляется с мысом Рас-Малан]. (2) Орейты, которые живут внутри материка, носят такую же одежду, как и индийцы, и вооружены так же, как они, но язык у них, законы и установления — другие.

(3) Длина этого плавания вдоль берегов страны арабиев — 1000 стадий, с того места, откуда они отплыли, вдоль же страны орейтов — 1600. (4) Когда они плыли вдоль

земли индийцев [начиная отсюда¹ индийцев уже не было], по словам Непарха, тени отбрасывались неодинаково. (5) Когда они по морю уходили далеко к югу, то и самые тени, казалось, обращались к югу; когда солнце среди дня стояло в зените, то в этих местах можно было видеть, как у предметов не было тени. (6) Из звезд те, которые прежде были видны высоко в небе — одни становились вовсе невидимы, другие появлялись у самой земли на горизонте, и те, которые прежде всегда сияли на небе, теперь то заходили, то вновь появлялись.

(7) То, что здесь описал Непарх, мне кажется, не отступает от истины, так как в египетской Сиенне, когда летом бывает время солнцеворота [время равноденствия], показывают колодезь, который в полдень не дает никакой тени. (8) Естественно, что и у индийцев, особенно у живущих на юге, происходят те же явления, и особенно в Индийском море, поскольку это море еще больше отклоняется к югу.

(29, 8) ...Длина проделанного ими пути вдоль страны ихтиофагов была немногим более 10 000 стадий. (9) Эти ихтиофаги питаются рыбой, откуда у них и самое их наименование. Немногие из них занимаются рыбной ловлей. Некоторые из них строят для этой цели суда и знают искусство рыбной ловли. Но большую часть добычи дает им морской отлив. (10) Некоторые для этой цели имеют специальные сети величиной в большинстве случаев до двух стадий. Они плетут их из волокон финиковой пальмы, ссучивая эти волокна, как лен. (11) Всякий раз, когда море отступает и земля обнажается — там, где ровная земля, рыб почти не остается, где есть углубления и где задерживается вода, тут-то и бывает очень много рыбы, большей частью мелкой, но попадаетея и покрупнее. Закинув сеть, они вытаскивают рыбу.

(12) Самую нежную они поедают сырым, как только вытащат из воды, ту же, что покрупней и пожестче, они сушат на солнце. Когда эта рыба совершенно высохнет, как жаренная на огне, они размалывают ее, делают из нее муку и готовят хлеб, а некоторые пекут из муки тонкие лепешки. (13) Их скот тоже ест сырую рыбу, так как их страна лишена лугов и не имеет травы.

(14) Они ловят здесь очень много крабов, улиток и раковин. Соль сама собою родится в этой стране. [Из тунцов]

¹ Т. е. от земли арабиев.

они делают масло. (15) Для тех из них, кто живет в пустынных местностях, где не растут деревья и нет никаких культурных плодов, — для тех все питание заключается в рыбе. Немногие у них засевают маленькие участки земли и пользуются полученным зерном и хлебом как приправой к рыбе, так как хлебом для них служит рыба. (16) Дома себе они строят следующим образом: самые богатые из них, всякий раз, когда море выбросит на берег кита, собирают его кости и пользуются ими как деревянными шестами. Из более плоских костей они делают двери. Из тех же, кто победнее, большинство строит себе дома из костей обыкновенных рыб.

(30, 1) В открытом океане водятся огромные киты и гораздо более крупные рыбы, чем в нашем [Средиземном] море. (2) Неарх рассказывает, что, когда они плыли из Киизы [современная Куиза], на рассвете они увидели, что вода в море бьет высоко кверху, поднимаясь как бы силою какого-то раздувательного меха. (3) Испуганные этим, моряки спросили проводников на кораблях, что это такое и отчего происходит; они же ответили, что это киты. Плыя по морю, они выдувают воду кверху. Гребцы так испугались, что у них из рук выпали весла. (4) Тогда сам Неарх, проезжая по всей линии кораблей, обращался к людям со словами ободрения и воодушевления и тем, мимо кого он проезжал, приказывал повернуть нос корабля во фронт, как бы для сражения, и, поднявши боевой крик, частыми и сильными ударами весел производить возможно больше шума. (5) Они ободрились и все вместе, как было приказано, двинулись против китов. Когда они уже приближались к этим животным, подняли воинский крик сколько хватало голоса, стали трубить в трубы и производить насколько возможно больший шум греблей. (6) И вот киты, которые виднелись уже у самого носа судов, испуганные шумом, опустились в глубину и немного позднее, вынырнув за кормой, держались на поверхности и вновь стали выкидывать кверху воду.

(7) Тут среди моряков поднялся шум приветствий при этом неожиданном спасении и раздавались похвалы смелости и мудрости Неарха. (8) Некоторые из этих китов, когда начинается отлив, захваченные на отмелях, так там и остаются. Иные из них выбрасываются на землю сильными бурями. Там они загнивают и погибают, и, когда распадается их кожа и мясо, остаются кости, которыми люди

пользуются для постройки домов (9). Кости их ребер служат для этих зданий как бы большими балками, а кости поменьше употребляются как стропила; кости их челюстей употребляются как двери, так как многие из этих китов достигают величины до 5 оргий [около 10 метров]»¹.

Детальность и обстоятельность этого рассказа позволяет поставить его в сравнение с лучшими образцами древнегреческих географических и этнографических описаний, принадлежащих перу Геродота, Гиппократы и Ксенофонта. Нельзя не заметить, однако, что Неарх приписывает сравнительно северным областям, лежащим у 25 — 30° северной широты, такие физические и астрономические явления (например, отсутствие тени в полдень у предметов и даже переход тени на южную сторону), которые могли бы быть в действительности наблюдаемы лишь под экватором.

В книге II своей «Географии» греческий писатель Страбон, живший на рубеже нашей эры, сообщает, что в сочинении Неарха содержится немало небылиц, хотя и не так много, как в сочинениях таких ученых эпохи Александра Македонского, тоже писавших об Индии, как Деимах и Мегастен. Перечисляя эти небылицы, Страбон упоминает о людях, спящих на своих ушах, безротых и безносых, одноглазых, большеногих и с пальцами, обращенными назад и т. п., т. е. упоминает все то, о чем, видимо, писал впервые Скилак из Карианды. Далее Страбон сообщает об утверждении Неарха, будто тот сам видел муравьев, роющих золото, и повторяет тем самым легенду, известную еще Геродоту. В данном случае, как, может быть, и в некоторых других, Неарх поддался влиянию Скилака из Карианды (через посредство Гекатея Милетского) и Ктесия из Книды (младшего современника Геродота), писавших об Индии и передававших распространенные в их времена легенды. Страбон сомневается также и в правильности утверждений Неарха о положении созвездий у устья Инда, но ему уже известно, что описанные Неархом явления в действительности наблюдались в его время лишь в Ливии у лежащего значительно ближе к экватору пункта на берегу р. Нила — Мероэ.

Следовательно, на представления Неарха, прошедшего несколько лет в Индии и в действительности проделавшего путь вдоль побережья Индийского океана от Карачи до устья Евфрата, несмотря на его большую наблюдательность,

¹ Перевод С. П. Кондратьева. «Вестник древней истории», 1940, № 2, приложение, стр. 248.

значительное влияние продолжали оказывать более древние, восходящие к Скилаку, описания Индии. На это указывают различные сказочные географические и этнографические подробности в описании Неарха и его ошибочные теоретические представления, в силу которых Индия по своему географическому положению являлась как бы продолжением Ливии (Африки). К некоторым из этих сказочных подробностей и теоретических измышлений нам еще придется вернуться при рассмотрении древнейших плаваний вдоль (или вокруг) побережья африканского материка по водам Индийского океана.

Древнейшим известием об этих предприятиях служит рассказ Геродота, сообщающий о плавании финикийцев из Египта по Красному морю и Индийскому океану на юго-восток вокруг африканского материка, по приказу египетского фараона Нехо около 600-х годов до н. э. Геродот пишет об этом так:

«(IV, 42) ...Ливия, оказывается, кругом омывается водой, за исключением той части, где она граничит с Азией. Первый доказал это, насколько нам кажется, египетский царь Нехо. Приостановивши прорытие канала из Нила в Аравийский залив, он отправил финикийян на судах в [Красное] море с приказанием плыть обратно через Геракловы столпы [Гибралтарский пролив], пока не войдут в Северное море и не прибудут в Египет. Финикийяне отплыли из Эритрейского моря и вошли в Южное море. При наступлении осени они приставали к берегу и, в каком бы месте Ливии ни высаживались, засевали землю и дожидались жатвы. По уборке хлеба они плыли дальше. Так прошло в плавании два года, и только на третий год они обогнули Геракловы столпы и возвратились в Египет. Рассказывали также, чему я не верю, а другой кто-нибудь, может быть, и поверит, что во время плавания вокруг Ливии финикийяне имели солнце с правой стороны».

Об этом путешествии в старой и новой историко-географической литературе было высказано много различных мнений. Реальность этого плавания совершенно справедливо

была неоднократно подвергнута сомнению. Однако в этом рассказе говорится о том, что к югу от экватора Солнце оказывается справа для идущего или плывущего с востока на запад. Как раз эта подробность, в справедливости которой сомневается Геродот (прежде всего потому, что допускает влияние атмосферных явлений на движение Солнца; об этом говорится ниже), убеждает в реальности наблюдений, положенных в основу рассказа о плавании финикийцев при фараоне Нехо.

Однако, как отмечено выше, Нearch о подобных наблюдениях сообщает при таких географических обстоятельствах, которые исключают их реальную возможность, из одного, видимо, желания убедить читателя в том, что им наблюдались физические явления, характерные для экваториальной Африки. Правда, замечание о положении Солнца к югу от экватора, сделанное в рассказе о финикийцах фараона Нехо, в какой бы связи оно ни находилось именно с этим рассказом, свидетельствует все же о подлинном наблюдении, когда-то произведенном жителем северного полушария в полушарии южном. Вполне допустимо, впрочем, что имя фараона Нехо фигурирует в рассказе лишь потому, что при нем, как позднее при персидском царе Дарии, предпринимались работы по расчистке и восстановлению канала между Нилом и Красным морем. Работы эти, несомненно, были продиктованы нуждами мореплавания по Красному морю, а может быть, и Индийскому океану. Но во всяком случае, такие подробности Геродотова рассказа, как трехгодичная продолжительность плавания, с перерывами для посева и получения урожая хлебных злаков, могут быть приняты лишь как романически-сказочные. Нельзя при этом не напомнить читателю, что соответственно библейскому рассказу, приведенному выше, плавание в Офир также отнимало три года. С посевом хлебных злаков во время длительного морского плавания вдоль африканского побережья нам еще также предстоит встретиться в описанном ниже и в столь же мало правдоподобном рассказе о плавании кизикенца Эвдокса. Таким образом, отмеченные подробности оказываются принадлежностью определенного жанра повествований о морских плаваниях, чем подтверждается их вымышленный характер. Тем не менее обращает на себя внимание, что в основе этих сказочных подробностей все же лежит какой-то более или менее определенный, реальный навигационный опыт. Вполне допустимо, что он был связан с плаваниями по

Индийскому океану. Во всяком случае, эти и схожие с ними подробности встречаются в сообщениях о плавании по Индийскому океану, начиная с таких отвлеченных и явно романизированных сообщений, как рассказ Геродота о плавании финикийцев, и кончая настолько обстоятельным и конкретным отчетом, как Неархово описание похода македонского флота.

Конкретность описания плавания из Индии в Иран предстает особенно отчетливо при сравнении с сообщениями Страбона о плаваниях Эвдокса — грека из малоазийского города Кизика, — якобы имевших место во второй половине II в. до н. э. Правда, Страбон сам не признает до-

стоверности этих плаваний, но все же описывает их со слов своего предшественника, греческого философа, астронома и географа Посидония (135—50 до н. э.), с большим количеством различных подробностей, скорее, однако, романтического, чем географического порядка.

«(Страбон, География, II, 3, 4) Посидоний рассказывает, что некий Эвдокс из Кизика прибыл в качестве теора [священного посла] и спондофора [посла для заключения мирного договора] на Корейские игры [празднества в честь сельскохозяйственной богини Коры — Персефоны] в Египте, в царствование Эвергета II [Птолемея Фискона, царствовавшего со 146 по 117 г. до н. э.]; он был представлен царю и его приближенным, которых расспрашивал в особенности о способе плавания вверх по Нилу, как человек, интересующийся особенностями этой страны и не без сведений об этом предмете.

В то же время случилось, что какой-то индиец был приведен к царю стражами Аравийского залива, которые сообщили, что они нашли этого человека полумертвым, одного на корабле, но не знают, кто он и откуда, потому что не понимают его языка. Царь передал его неким лицам, которые должны были обучить его греческому языку. Научившись по-гречески, индиец объяснил, что он, плывя из Индии, заблудился и спасся лишь один, потеряв всех спутников, которые умерли с голоду. Так как в его рассказе усомни-

лись, он обещал указать водный путь в Индию тем, которым царь поручит отправиться туда; в числе последних был и Эвдокс.

Отплывши туда с дарами, он по возвращении привез взамен их различные благовония и драгоценные камни, из которых одни приносятся реками вместе с песком, другие же добываются из земли, образовавшись из жидкостей, как наши кристаллы. Но Эвдокс обманулся в своих надеждах, потому что Эвергет отнял у него все товары. По смерти Эвергета его жена Клеопатра получила царскую власть. И она снова послала Эвдокса, на этот раз с большими приготовлениями. На обратном пути Эвдокс был занесен ветрами в страну, находящуюся далее к югу от Эфиопии.

Приставая к некоторым местностям, он располагал к себе жителей подарками: хлебом, вином, фигами, которых там не было. За это он получал от них воду и проводников, причем записал также некоторые слова туземного языка. Он нашел там оконечность передней части корабля, уцелевшую от кораблекрушения, на которой был вырезан конь, и он посредством расспросов узнал, что кораблекрушение потерпели прибывшие с запада. Отправляясь в обратный путь, он взял с собой этот обломок.

Когда он прибыл в Египет, где царствовала уже не Клеопатра, а ее сын, у него снова отняли все, да еще и уличили в присвоении себе некоторых вещей. Он понес на рынок фигурный нос корабля и узнал от моряков, что это обломок гадесского ¹ корабля. Ему рассказали о том, что гадесские купцы снаряжают большие корабли, а бедные жители — маленькие, именуемые ими «конями», по изображениям на носу их кораблей. На этих маленьких кораблях они отправляются на рыбную ловлю к берегам Маврузии [современное марокканское побережье], вплоть до реки Ликса [эта река, по данным, приводимым ниже, отождествляется с р. Уэд-Дра]. Некоторые из матросов узнали эту оконечность корабельного носа: она принадлежала одному из кораблей, заплывших далее Ликса и более не возвращавшихся. Эвдокс из этого заключил, что плавание вокруг Ливии возможно.

Вернувшись домой, он погрузил все свое имущество и вышел в море. Прежде всего он прибыл в Дикеархию [гре-

¹ Т. е. приплывшего к восточным берегам Африки из финикийского города Гадейра, или Гадеса, расположенного на южном берегу Испании, по ту сторону Гибралтарского пролива, на месте современного Кадиса.

ческая колония, римские Путеолы, современные Подциуоли в Неаполитанском заливе в Италии], потом в Массалию и далее в различные пункты по берегу, вплоть до Гадеса. Везде, куда он ни приезжал, он рассказывал о своем предприятии и, набравши торговлей достаточно средств, построил один большой корабль и два буксирных судна, подобные пиратским лодкам; посадив на них девушек-музыкантш, лекарей и разных ремесленников, он отправился наконец морем в Индию, пользуясь постоянными западными ветрами.

Когда его спутники были утомлены плаванием, он неохотно пристал к берегу, опасаясь приливов и отливов. И действительно, произошло то, чего он и опасался: судно село на мель, но не резко, так что оно не погибло немедленно; товары, большая часть бревен и досок были выгружены на сушу. Из них Эвдокс соорудил третье судно, почти равное по величине пятидесятивесельному кораблю. На нем он продолжал путешествие, пока не прибыл к народу, говорившему на том самом языке, слова которого были им записаны прежде. Благодаря этому он узнал, что живущие там люди принадлежат к тому же племени, что и другие эфиопы, и что они соседят с царством Богоса [мавританский царь, живший на рубеже II—I вв. до н. э.].

Прекратив путешествие в Индию, он возвратился назад. На обратном пути вдоль берега заметил он пустынный островок, обильный водой и растительностью, и обозначил его положение.

Высадившись благополучно в Маврузии и распродавши свои суда, он пешком отправился к Богосу и советовал ему предпринять морскую экспедицию. Но друзья царя убедили его в противоположном [мнении]: они навели на царя страх, что вследствие этого Маврузия станет подвержена вражеским нападениям, потому что будет открыта дорога для тех, кто пожелал бы напасть на нее. Когда же Эвдокс узнал, что его посылают в плавание лишь на словах, а на самом деле хотят отправить на некий пустынный остров, он бежал в римские владения, а оттуда в Иберию [Испанию]. Снарядивши снова «круглое» [стронгил¹] судно и длинное пятидесятивесельное, для того чтобы на этом плавать в открытое море, а на первом обследовать берега, он погрузил на них земледельческие орудия, семена и, взявши также плот-

¹ Название небольшого греческого парусно-весельного судна, пригодного лишь для каботажного плавания.

ников, отправился в ту же экспедицию, намереваясь, если плавание затянется, перезимовать на замеченном им раньше острове, произведя посев и собравши плоды, завершить задуманное им плавание»¹.

Быть может, впрочем, именно неверие Страбона в истинность сообщений Посидония о плаваниях Эвдокса и было причиной того, что он в своем изложении воздерживался от передачи географических деталей. Возможно, они и содержались в описании Посидония, но Страбон их опустил, с тем чтобы легче аргументировать свое неверие. Высказывая мнение о недостоверности или ошибочности некоторых сообщений Нearchа, Страбон поступает в сущности именно таким образом: он воздерживается от детальной передачи текста сочинения Нearchа, которую мы, к счастью, находим у Арриана в его книге «Об Индии».

Однако, даже если оно и так, все же у нас не может быть оснований для предположения, что Эвдокс или сообщивший о его плаваниях Посидоний называли какие-либо южноафриканские пункты и указывали разделяющие их расстояния в стадиях или хотя бы в днях плавания, как это делал в своем описании пути вдоль берегов Гедрозии и Кармании Нearch. Допускать это не следует потому, что даже более поздние и наиболее осведомленные из древних географов, суммировавшие весь предшествующий им географический опыт (например, упоминавшийся уже Клавдий Птолемей, живший в середине II в. н. э.), не сообщают о тех местностях каких-либо детальных географических данных. Вспомним о том, что Птолемей находил возможным поддерживать мнение о соединении ливийского (африканского) и азиатского материков на юге, несовместимое с достоверным знанием о плаваниях вокруг Африки.

Страбон сравнивает описание Эвдоксовых морских предприятий с сочинениями Эвгемера — автора философского фантастического и социально-утопического романа об о. Панхайе, находившемся якобы где-то в Южном океане. И действительно, именно на такое сравнение напрашивается описание Эвдокса и теперь для нас, как только мы сопоставим его с соответствующими страницами дошедших до нас древних романов приключений — «Золотого осла» Апулея, «Дафниса и Хлои» Лонга, «Эфиопики» Гелиодора и «Левкиппы и Клитифонта» Ахилла Татия. Так что, как бы ни

¹ Тексты Страбона приводятся в переводе Ф. Ф. Мищенко (Страбон. География в 17 книгах. М., 1879).

относиться к самим фактам, лежащим в основе сообщений Посидония об Эвдоксе, следует признать, что сообщения эти определенным образом литературно обработаны и преподнесены в стиле греческого романа приключений. Есть в сообщениях Эвдокса, конечно, и такие детали, которые соответствуют фактам, имевшим место в действительности и которые невозможно было просто выдумать, поскольку такая выдумка вряд ли кому-нибудь пришла бы и в голову, не опирайся она на какой-либо реальный факт. Таков, во-первых, рассказ об индийцах или жителях островов Индийского океана, занесенных бурей к аравийским берегам, и обломки гадитанского судна, определяемые по скульптуре, украшавшей его носовую часть, найденные в восточноафриканских водах и когда-либо, видимо, в действительности обогнувшие мыс Доброй Надежды, может быть, уже в виде обломков, а не в качестве украшений целых и управляемых судов.

Любопытна деталь о намерении Эвдокса посеять хлеб во время путешествия на замеченном им плодородном острове. Она перекликается с соответствующей деталью из сообщения Геродота о плавании финикийцев вокруг Африки при фараоне Нехо и указывает на общие источники и одинаковые подробности того и другого сообщения, характерные, видимо, вообще для этого рода литературы. В реальности подобных сельскохозяйственных предприятий во время краткого пребывания в чужих экзотических странах уже и выше было высказано сомнение. Мы увидим далее, что имена местностей и некоторые детали их описаний связывают сообщения о плавании Эвдокса с другими, более древними сообщениями финикийско-карфагенского происхождения, о плаваниях вдоль западных берегов Африки в атлантических водах. К их рассмотрению теперь мы и переходим.

ПЛАВАНИЯ ПО АТЛАНТИЧЕСКОМУ ОКЕАНУ К ЮГУ ОТ ГЕРАКЛОВЫХ СТОЛПОВ

Уже рассказ о путешествии финикийцев при фараоне Нехо предусматривает возможность плавания вдоль атлантического побережья Африки в северном направлении. В этом рассказе плавание по Атлантическому океану рассматривается как возвратный путь в Средиземное море для кораблей, обогнувших ливийский (африканский) материк с востока. Но в действительности открытие западноафриканских вод происходило в противоположном направлении — при плаваниях с севера на юг, совершавшихся финикийскими и карфагенскими торговыми судами.

Суда выходили из Средиземного моря за Геракловы столпы и направлялись к югу за золотом, слоновой костью, рабами и другой добычей. Страны, расположенные к югу от Гибралтарского пролива, представлялись финикийским мореходам сказочными и страшными. Возможно, что они не скупились на всяческие ужасы в своих рассказах об этих

плаваниях для того, чтобы нагнать страху на возможных конкурентов — на тех, кто бы пожелал проделать этот путь с теми же целями, что и они, ради быстрого обогащения.

Один из наиболее древних и, безусловно, один из наименее правдоподобных рассказов о таком плавании передает Геродот, называя его «карфагенским», хотя в самом рассказе нет ничего, что изобличало бы его карфагенское происхождение. Но все же, пожалуй, и можно согласиться с данным Геродотом

определением этого рассказа, приняв во внимание интерес карфагенян к западноафриканским странам. Любопытство, возбуждавшее их фантазию, требовало материала для сообщений, пусть хоть и не конкретных и маловероятных, но все же содействовавших распространению представлений о возможности и выполнимости подобных предприятий.

О плавании Сатаспа сказано следующее:

«(Геродот, V, 43) Сатасп, сын Теаспия из рода Ахемена, устрешенный продолжительностью плавания и пустынностью страны, не исполнил поручения матери — не объехал вокруг Ливии, с целью чего был отправлен в путь, и вернулся назад. Дело в том, что он изнасиловал девственную дочь Зопира сына Мегабаза, за какое преступление царь Ксеркс [царствовал в Иране с 486 по 465 г. до н. э.] решил было распять его, но мать Сатаспа, сестра Дария, испросила ему помилование, прибавивши, что она сама наложит на него наказание более тяжелое, чем наказание царя, а именно: он будет обязан объехать вокруг Ливии, пока при этом плавании не войдет в Аравийский залив. После того как на этом условии Ксеркс сделал уступку, Сатасп прибыл в Египет, получил здесь корабль и египетских матросов и поплыл к Геракловым столпам. Выплывши на другую сторону, он обогнул оконечность Ливии по имени мыс Солоэнт [отожествляется с мысом Кантен] и направился далее на юг. Так, в течение многих месяцев он проплыл значительную часть моря, но так как предстояло проплыть еще больше пройденного, он повернул обратно и прибыл в Египет,

Оттуда он отправился к царю Ксерксу и сообщил ему, что очень далеко в море им пришлось плыть мимо страны, населенной людьми маленького роста, одевающимися в пальмовое платье. И каждый раз, как только они приближались к берегу, маленькие люди покидали свои города и убегали в горы. Со своей же стороны они, вошедши в их города, никого не обижали, только забирали с собою их скот. А почему не объехали Ливии вокруг, Сатасп объяснил тем, что судно-де не могло идти дальше. Однако Ксеркс не поверил, что тот говорил правду, и велел его, как не выполнившего возложенного на него дела, пригвоздить к столбу, подвергнув его, таким образом, раньше объявленному наказанию».

Рассказ о предприятии Сатаспа, несмотря на чрезвычайную обстоятельность его родословной, звучит отвлеченно и неправдоподобно. Но при отвлеченности и неправдоподобии, заключающихся прежде всего в том, что плавание было предпринято персом и на египетском судне, т. е. осуществлено при участии людей, вероятнее всего, никогда и не подозревавших о реальной возможности подобных предприятий, — рассказ этот содержит географические и этнографические подробности, с которыми нам еще придется столкнуться при рассмотрении гораздо более обстоятельного описания такого же путешествия. Имеется в виду перипл Ганнона, географическое сочинение, составленное от имени карфагенского правителя и мореплавателя, о котором речь пойдет ниже. Пока же этого упоминания будет достаточно для того, чтобы согласиться с утверждением Геродота о карфагенском происхождении рассказа о плавании Сатаспа или по крайней мере положенного в его основу реального материала.

Самый рассказ мог возникнуть и в среде тех ионийских (т. е. малоазийских) греков, которые в VI в. до н. э. бороздили воды западного Средиземноморья, заплывали в испано-финикийский Тартесс (город и одноименная область на юго-западе Пиренейского полуострова), находившийся по ту сторону Геракловых столпов, и не прочь были поживиться богатствами западноафриканских берегов. О реальности их интереса в этой области свидетельствует не только Геродотов рассказ о Сатаспе,

Греческие географы IV в. до н. э. ссылались на сочинение массалиота Эвтимена, якобы совершившего плавание вдоль западных берегов Африки, вплоть до реки, в которой водились крокодилы и гиппопотамы. Из этих же глухих ссылок, не позволяющих даже с точностью судить о

времени жизни Эвтимена, хотя многие ученые относят его к VI в. до н. э. — ко времени наибольшего расцвета торговли и мореплавания древней Массалии, можно заключить, что Эвтимена интересовал вопрос об истоках Нила. Эта географическая проблема волновала уже древнеегипетских ученых-жрецов, стремившихся выяснить, откуда берет начало их река-кормилица и чем вызываются ее ежегодные разливы. От египтян интерес к истокам Нила передался греческим ученым.

Эвтимен, вероятней всего, никогда и не плывал вдоль берегов Африки, но, как это было принято в тогдашней литературе, придал своему повествованию об истоках р. Нила для большей убедительности форму перипла, т. е. описания плавания в те неведомые страны, где, по его предположению, брала начало великая египетская река. Как мы уже знаем, нахождение истоков Нила подозревали в отдаленных местах, но именно там, где встречали крокодилов. На основании этого признака делались очень смелые географические выводы, соответственно которым истоки Нила следовало искать даже в Индии.

Допускают, что описание Эвтимена содержало, быть может, и наименования некоторых пунктов на африканском побережье, известных также и из перипла Ганнона. В этом не было бы ничего удивительного. Упоминает же Геродот в описании плавания Сатаспа и еще в другом месте ливийский мыс Солорэнт, находящийся за Геракловыми столпами, куда в его время греческим торговцам не приходилось плавать. Знает он также и некоторые другие пункты западного берега Африки и проживающие там племена пигмеев, хотя при этом и не говорит ничего о плавании Ганнона. Эти сведения стали ему известны, вероятнее всего, не непосредственно от мореплавателей, а из каких-либо греческих

географических сочинений (может быть, не только из сочинений Эвтимена), хотя он не упоминает ни разу имен авторов, из книг которых заимствует различные мнения об истоках Нила и о происхождении его разливов. Одно из этих мнений сводится к тому, что Нил вытекает из океана. Может быть, оно было заимствовано Геродотом из сочинения Эвтимена, пусть хоть и не непосредственно, а через Гекатея, «Землеописанием» которого он, несомненно, пользовался. Конечно, это все лишь догадки, но они более или менее вероятны.

Гораздо менее обоснованы предположения некоторых современных ученых, допускающих, что Эвтимен действительно плывал по Атлантическому океану и достиг устья Сенегала, приняв его за истоки Нила. Невероятным это представляется не только потому, что в силу политических обстоятельств того времени нелегко представить себе греческий корабль плавающим вдоль западных берегов Африки в карфагено-финикийских водах. Такое представление кажется маловероятным, в особенности оттого, что все сообщения о ливийском западе и о его атлантическом побережье, предшествующие по времени периплу Ганнона, не содержат в себе следов сколько-нибудь серьезных наблюдений, а представляют собой домыслы, основанные на рассказах людей, может быть, там и действительно побывавших, но не ставивших своей целью научные наблюдения. Человек, побывавший у устья Сенегала, кто бы ни был, если он имел в виду хотя бы самые элементарные географические исследования, вряд ли стал бы утверждать, что вода в океане пресная, что река Сенегал течет на восток, а не на запад, что разливы Нила вызываются пассатными ветрами, дующими в Атлантике, и т. п. Однако именно это делал, по-видимому, Эвтимен и другие древнейшие греческие ученые, полагавшие, что Нил вытекает из океана.

Скорее следует предположить, что точка зрения Эвтимена представляет собой отвлеченную псевдоученную комбинацию из рассказов египетских жрецов о том, что Нил течет с запада, и рассказов карфагенских мореплавателей о том, что на западе Ливии имеется река, в которой водятся крокодилы и гиппопотамы. Геродоту это, видимо, было ясно, он категорически отвергает версию об истечении Нила из океана, как и самое существование пресноводной реки Океана (Okeanos), придуманной, по его мнению, древними поэтами.

Он отвергает также и предположение о разливах Нила вследствие действия пассатных ветров на океане или на Средиземном море. Но его собственные объяснения еще менее рациональны, чем те, которые он отбрасывает. Мы их приведем, для того чтобы читатель мог судить об уровне знаний в области космографии и естествознания, которыми располагал Геродот.

«(Геродот, II, 23) Кто говорит об океане, тот впутывает в объяснение неизвестные предметы, и потому мнение его не подлежит даже и обсуждению. Я не знаю о существовании какой-либо реки Океана, мне кажется, что Гомер или другой какой-нибудь из древних поэтов выдумал это имя и ввел его в поэзию.

(24) Если, отвергая прежние мнения, необходимо высказаться самому о предмете темном, то я сообщу свое предположение о том, почему летом Нил разливается. В зимнюю пору солнце отесняется бурями от своего обычного пути и проходит через Верхнюю Ливию [южную часть Африки]. Этим в кратких словах все сказано. Если только это божество Солнце находится очень близко к какой-нибудь стране и проходит прямо над нею, то естественно, что такая страна испытывает сильнейшую жажду и тамошние реки высыхают.

(25) Говоря более подробно, дело состоит в следующем. Проходя по Верхней Ливии, Солнце производит такое действие: так как в стране этой воздух всегда ясен, земля нагрета и нет ветров, то во время своего прохождения Солнце действует как в летнюю пору, когда находится на середине неба, а именно оно притягивает к себе воду, а притянувши, снова отталкивает ее в верхние земли, ветры подхватывают воду, рассеивают ее и пары снова превращают в жидкость. Вот почему дующие из этих стран ветры, южный и юго-западный, дождливы более всех прочих ветров. Однако мне кажется, что Солнце отпускает не всю ту воду, которую притягивает ежегодно из Нила; часть ее оно удерживает при себе. Когда зимние холода уменьшаются, Солнце опять возвращается на середину неба и с того времени тянет к себе воду одинаково из всех рек. До этой поры реки имеют высокую воду, потому что к ней в изобилии примешивается вода дождевая, когда землю орошают дожди и изрыгают потоки; наоборот, летом, когда реки не получают от дождей, а Солнце притягивает к себе воду, они мелеют. Между тем Нил, вовсе не получающий дождевой воды, но притягиваемый Солнцем, как единственный из всех

рек, должен быть в зимнюю пору гораздо беднее водою, чем в летнюю. Ибо летом Нил притягивается Солнцем наравне с другими реками, а зимой Солнце пьет воду только из него одного. Таким образом, источником этих явлений я считаю Солнце».

ПЛАВАНИЕ ГАННОНА

Мы бы, вероятно, не знали почти ничего о карфагенском мореходстве вдоль Западной Африки, если бы не сохранилось описания одного из таких плаваний, принятого, должно быть, еще в V в. до н. э. Сохранилось, правда, не самое описание, а его греческий перевод, сделанный, может быть, значительно позже,

чем произошло это плавание, но во всяком случае не позже того времени, когда жил греческий историк Полибий (201—120 до н. э.), читавший его текст в связи со своим собственным путешествием вдоль западных берегов Африки, о котором, к сожалению, его подлинного отчета не уцелело.

Греческий текст называет Ганнона карфагенским царем — это соответствует наименованию той высшей правительственной должности, которая в Карфагене была выборной и исполнители которой назывались суфетами. Ганнон предпринял свое плавание по постановлению карфагенского сената или народного собрания, для того чтобы основать (в действительности же, вероятно, лишь возобновить и пополнить новыми колонистами) ливифиникийские города на западноафриканском побережье.

Ливифиникийцами карфагеняне называли смешанное население тех пунктов, которые были до них еще основаны финикийскими торговцами. Отчет о своем плавании, высеченный в виде надписи на каменной плите, Ганнон поставил в качестве посвящения божеству в храме Кроноса (который соответствует карфагенскому богу-родоначальнику Баал Хаману). Достоверность всего этого навряд ли может быть подвергнута сомнению. Это, видимо, было в обычае карфагенян, так как позже подобным же образом поступил знаменитый карфагенский полководец Ганнибал, поставивший в храме Геры в южноиталийском городе Кротоне надпись на камне с отчетом о своих военных успехах.

Прежде чем высказать какие-либо соображения о географических и этнографических подробностях Ганнонова отчета, приведем его текст.

«Ганнона, царя карфагенян, описание обплыва ливийских земель, находящихся за пределами Геракловых столпов, посвященное в храме Кроноса и гласящее так: (1) Карфагеняне решили, чтобы Ганнон отправился в плавание за Геракловы столпы и основал города ливифиникийцев. И он отплыл, имея шестьдесят пятидесятивесельных кораблей, множество мужчин и женщин, числом до 30 000¹, пропитание и прочее снаряжение. (2) Отчалив и выплыв за Столпы, мы плыли два дня и потом основали первый город, который называли Тимиатерием [где-либо близ современной Мехдии]. При нем была большая равнина.

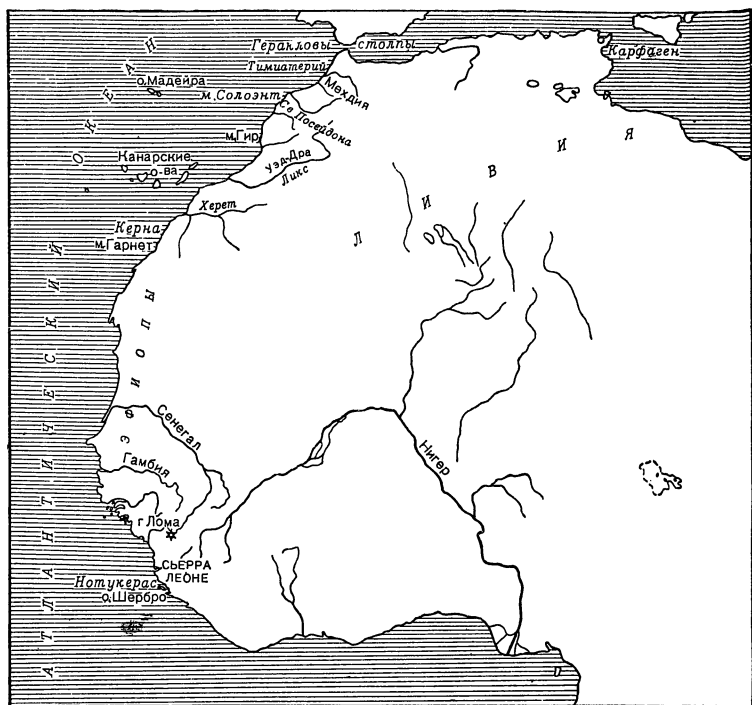
(3) Затем, направившись к западу, мы прибыли к Солоренту [отожествляется с мысом Кантен], ливийскому мысу, покрытому густым лесом.

(4) Здесь, основав святилище Посейдона, снова двинулись на восток на полдня пути, пока не пришли к озеру, расположенному недалеко от моря, заросшему многочисленным и густым тростником. Были тут и слоны, и многие другие пасущиеся животные. (5) Мы поплыли вдоль озера на день пути и населили приморские города, именуемые Карикон тейхос [буквально — крепость кариков], Гитта, Акра, Мелитта и Арембис [все эти пункты располагались где-либо близ мыса Гир]. (6) Отплыв отсюда, мы прибыли к большой реке Ликсу [отожествляется с р. Уэд-Дра], текущей из Ливии. Близ нее помады ликситы [т. е. жившие по р. Ликсу] пасли стада; у них мы провели некоторое время, ставши их друзьями. (7) Далее них жили негостеприимные эфиопы, населяющие землю, обильную зверями и перерезанную большими горами, из которых, как говорят, вытекает Ликс. У гор живут люди чудного вида — троглодиты; ликситы уверяют, что они бегают быстрее лошадей.

(8) Взяв у ликситов проводников, мы поплыли вдоль пустыни на два дня к югу, а затем на один день к востоку. Там нашли мы в глубине залива небольшой остров пяти стадий в окружности, мы его заселили и называли Керпа².

¹ Эта цифра по отношению к числу кораблей считается преувеличенной.

² Нередко локализуется у устья р. Сегиет-эль-Хамра, однако археологические находки и фонетическая близость наименований заставляют отождествить его с о. Герпой.

Карта к плаванию Ганнона

Прямим шрифтом даны современные названия, курсивом—древние.
 На карте из названий, упоминающихся в тексте, приведены только те, которые более точно поддаются отождествлению с современными географическими данными

Мы заключили по нашему плаванию, что он лежит соответственно Карфагену: путь от Карфагена до Столпов равняется пути от них до Керны. (9) Оттуда, проплыв по большой реке, называемой Херет¹, мы прибыли в озеро. На этом озере было три острова, больших, чем Керна. Отплыв от них на один день пути, мы прибыли к концу озера, над которым возвышались громадные горы с множеством диких людей, одетых в звериные шкуры, которые, бросаясь камнями, препятствовали нашей высадке.

(10) Плывя оттуда, мы прибыли в другую реку, большую и широкую, со множеством крокодилов и гиппопотамов [отожествляется с р. Сенегал]. Возвратившись оттуда, мы снова прибыли в Керну. (11) Отсюда мы плыли к югу двенадцать дней вдоль земли, населенной эфиопами², убежавшими, не дожидаясь нашего приближения. Язык их был непонятен и для бывших с нами ликситов. (12) В последний из этих дней мы прибыли к большим лесистым горам. Стволы деревьев были разнообразны по окраске и душисты. (13) Проплыв мимо них два дня, мы очутились в огромном морском заливе, на другой стороне которого была равнина. Там мы заметили ночью по всем направлениям огни, сверкавшие то ярче, то слабее.

(14) Запасшись водой, мы плыли далее пять дней вдоль берега, пока не прибыли в большой залив, который, по словам переводчика, называется Западным рогом [быть может, залив, образуемый устьем р. Гамбия]. В нем есть большой остров, а на острове озеро с морской водой, на котором другой остров. Причаливши там днем, мы не видели ничего, кроме леса, ночью же — много пылающих огней; мы слышали звуки флейт, кимвалов и тимпанов и громкие крики. Тут нас охватил страх, и прорицатели велели покинуть остров. (15) Поспешно отплыв оттуда, мы прошли мимо знойной и полной благовоний страны, из которой в море изливались огненные потоки. Земля была недоступна вследствие жара.

(16) Охваченные страхом, мы быстро уплыли оттуда. Проплыв четыре дня, ночью мы увидали землю, охваченную

¹ Сегнет-эль-Хамра. См. ниже (10), где Ганнон упоминает о своем возвратном движении, которое могло иметь место и в данном случае.

² Наименование, прилагавшееся греками к африканцам вообще.

пламенем. Посредине находился очень высокий и большой, чем остальные, огонь — казалось, что он касается звезд. Днем это оказалось высочайшей горой, называемой Теон охема [«Колесница богов», отождествляется с горой Лома]. (17) Через три дня, проплыв мимо огненных потоков, мы прибыли в залив, именуемый Ноту керас [отождествляется с заливом у о. Шербро]. (18) В глубине его был остров, похожий на прежний, ибо на нем было озеро, на котором был другой остров с множеством диких людей. Более многочисленны были женщины; тела их были покрыты шерстью, и переводчики их называли гориллами. Мы преследовали мужчин, но не могли их поймать — они все убежали, ловко цепляясь за скалы и защищаясь камнями. Трех женщин мы захватили, но они, царапая и кусая тех, кто их тащил, не пожелали за нами следовать. Убив их, мы содрали с них шкуры и привезли их в Карфаген. Дальше же мы не поплыли, так как у нас не хватило припасов»¹.

Не приходится сомневаться в том, что описание Ганнона составлено по материалам плавания, имевшего место в действительности, хотя, может быть, и не на всем протяжении описываемого им маршрута. При чтении перипла сразу бросается в глаза разница в характеристике африканского побережья до о. Керны и после него. Первая часть маршрута представляет собой весьма реалистическое и в общем без особого труда поддающееся нанесению на современную карту географическое описание, тогда как вторая часть наполнена подробностями, с большим трудом находящими себе реальное объяснение, и содержит весьма туманные и неопределенные данные для увязки ее с современной картой западных берегов Африки. Следует думать поэтому, что описание Ганнонова плавания от о. Керны до горы под названием Теон охема основывается не на каком-либо индивидуальном впечатлении, а на рассказах и баснях, передававшихся из поколения в поколение финикийскими и карфагенскими морями, где-то, вероятно, зафиксированных уже и до Ганнона, поскольку кое-что из этого материала известно Геродоту.

В историко-географической литературе было предпринято немало попыток отождествления упомянутых в описании Ганнона географических наименований и объектов с реальной географией Африки. И хотя эти попытки отличаются

¹ Перевод заимствован из книги Б. А. Тураева и И. Н. Бороздина «Древний мир. Сборник источников». Спб., 1917.

одна от другой, нетрудно заметить, что различия между ними не столь уж велики и существенны, пока дело идет об отрезке маршрута между Гибралтарским проливом и о. Керной, который обычно помещают где-либо на широте Канарских островов, тогда как Колесницу богов ищут на пространстве от Сьерра-Леоне до р. Нигера. Об этом же свидетельствуют и археологические находки на марокканском побережье. Прежде всего они дают общую дату для карфагенских плаваний в этих водах и для основания карфагенянами там своих колоний: обломки карфагенской глиняной посуды, находимые в разных пунктах западноафриканского побережья — у устья р. Уэд-Дра, на о. Герна, в Могадоре и других местах, — не древнее VI в. до н. э. Тем самым косвенным образом подтверждается и дата Ганнонова перипла. Подтверждается этим и реальный диапазон плавания Ганнона, поскольку соответствующий археологический материал не встречается к востоку от мыса Сент-Поль.

Было предпринято немало попыток рационального объяснения всех удивительных явлений природы, якобы наблюдавшихся Ганноном: огненные потоки, пылающая земля, огнедышащие, достигающие неба горы, необычайные существа — не то обезьяны, не то люди. Нет сомнения, что все эти устрашающие зрелища имеют в основном какие-то реальные явления: степные пожары, извержения вулканов с потоками огненной лавы и т. п. Но, разумеется, при недостаточной конкретности и нарочитой сказочности в описаниях у Ганнона трудно настаивать на чем-либо определенном. Такого же характера и некоторые этнографические подробности, содержащиеся у Ганнона: троглодиты, бегающие быстрее лошадей, страшные люди в звериных шкурах, швыряющие камни и напоминающие всем их описанием сказочных гомеровских разбойников-лестригонов или весьма им подобных гигантов-гегенов, встреченных на пути аргонавтами около г. Кизика в Малой Азии.

Ганноновых троглодитов знает также и Геродот под именем живущих в пещерах эфиопов, отличающихся очень быстрым бегом. В дополнение к тем чудесам, о которых сообщает Ганнон, Геродот рассказывает о собакоголовых людях и о людях безголовых, с глазами, расположенными на груди, живущих, по рассказам северных ливийцев, в юго-западной части Африки. Знает он, быть может, и о. Керну под именем Киравны, на котором имеется озеро, откуда местные девушки добывают золотой песок с помощью вы-

мазанных смолой перьев. Однако Геродот помещает этот остров, судя по его описанию, скорее у северного, чем у западного берега Африки. Но в данном случае гораздо важнее достаточно неопределенной локализации известное сходство наименований и несомненная реальность этнографических наблюдений, помогающих отчасти конкретизировать интерес карфагенян к этому острову, а также и образ жизни его обитателей.

«(Геродот, IV, 195) Подле гизаптов¹, как сообщают карфагеняне, лежит остров Киравна, узкий, но в длину имеющий 200 стадий, легко достижимый с материка; он изобилует оливковым деревом и виноградной лозой. На острове есть озеро, из ила которого туземные девушки добывают золотой песок с помощью птичьих перьев, вымазанных смолой. Верно ли это, не знаю, сообщаю что слышал...»

Это сообщение Геродота кое в чем существенно дополняет данные Ганнонова перипла и конкретизирует торговые интересы карфагенян на западе Африки. В особенности же интересно и красочно сообщение Геродота о «немой» торговле, которую вели карфагенские купцы с западноафриканскими жителями.

«(IV, 196) Карфагеняне рассказывают еще следующее: есть в Ливии страна и народ по ту сторону Геракловых столпов; приходя к ним для торговли, карфагеняне выгружают товары с кораблей, раскладывают их рядом на морском берегу, потом возвращаются на свои суда и разводят дым. Заметивши дым, туземцы приходят к морю, за товары оставляют золото и удаляются обратно. Карфагеняне выходят на сушу и рассматривают, достаточно ли оставлено золота за товары; если достаточно, то золото они забирают и уплывают; если же недостаточно, то снова садятся на корабли и там выжидают, туземцы же появляются снова и прибавляют золота столько, чтобы удовлетворить карфагенян. По словам карфагенян, никогда одна сторона не обижает другую, карфагеняне никогда не прикасаются к золоту, прежде чем по стоимости оно не сравняется с товаром. Точно так же туземцы уносят с собой товары только тогда, когда золото взято карфагенянами».

Сообщаемые Геродотом сведения, касающиеся Западной Африки, показывают, что в его распоряжении были какие-то

¹ Ливийское племя, локализуемое на североафриканском побережье у залива Габес.

описания, отчасти подобные Ганноновым и основанные, как он это указывает прямо, на сообщениях карфагенян. Скорее всего можно думать, что речь идет о сочинении, идентичном или подобном сочинению Эвтимена.

Выше уже говорилось, что греки, быть может, еще в IV в. до н. э. познакомились с периплом (путеводителем) Ганнона или с аналогичными ему описаниями. Аристотель, во всяком случае, знает африканскую реку Херет (под именем Хремет), близ которой расположилась наиболее удаленная к югу карфагенская колония на о. Керна. Упоминалось и о том, что описанием Ганнона, по всей вероятности, воспользовался известный греческий историк Полибий, посетивший Северную Африку в середине II в. до н. э. в составе свиты римского полководца Сципиона Эмилиана в его победоносном походе против Карфагена. Вероятно, уже по окончании кампании Полибий предпринял на предоставленных ему Сципионом кораблях плавание вдоль западного побережья Африки с целью их изучения, как сообщает об этом римский географ и естествоиспытатель Плиний Старший в книге V своей «Естественной истории».

«(Плиний. Естественная история, V, 1, 8). Во время командования Сципиона Эмилиана в Африке¹ составитель анналов Полибий получил от него флот, с которым совершил плавание с целью изучения этой страны. Он сообщает, что на пути от Атласа к за-

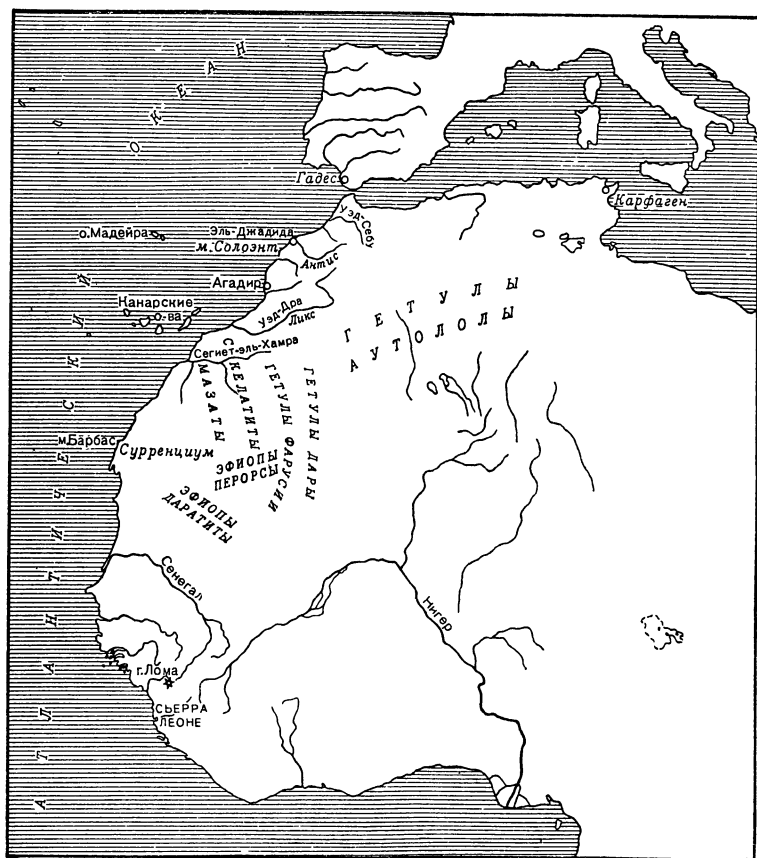
паду встречаются леса, населенные большим количеством животных, обычных для Африки, вплоть до реки Анатис [отожествляется с рекой, именуемой ныне Уэд-Умм-эр-Рабия], на пространстве 485 миль. От этой реки до Ликса [р. Уэд-Дра] 205 миль. Там залив, называемый Сагути [у современного Аземмура]. На мысу расположен город Муле-лаха [Старая Мансара], реки Субур [отожествляется по звучанию наименования с современной рекой Уэд-Себу] и Сала [предположительно, незначительная речка Уэд-Бурагра], гавань Рутубис [у современного города Мазаган] в

¹ Осада и разрушение Карфагена были произведены римлянами в 146 г. до н. э.

213 милях от Ликса. Оттуда Мыс Солнца [предположительно мыс Кантен, Солоэнт — греческих источников], гавань Ризардир [отожествляется по созвучию наименований с современным портом Агадир], племя гетулы аутололы, река Козенум [предположительно Уэд-Акасса], племена скелатиты и мазаты, река Марагтат [предположительно Уэд-Хибика], река Дарат [отожествляется с бухтой Рио-де-Оро], в которой водятся крокодилы. Затем следует залив в 616 миль, закрываемый мысом, называемым Сурранциум [современный мыс Барбас], выступающим к западу с горой Баркой. Далее река Сальсус [Рио-Сен-Жан], за которой эфиопы перорсы, а сзади них фарусии, гетулы дары, соседящие с ними в глубине страны. На берегу эфиопы даратиты¹, река Бамботус [отожествляется с р. Сенегал], с множеством крокодилов и гиппопотамов, далее длинные цепи гор, продолжающиеся вплоть до той горы, которую мы называем Теон охема [гора Лома]. Оттуда до Западного мыса [быть может, мыс Сьерра-Леоне, соответствующий Ноту керас Ганнона] [Полибий] полагает десять дней и десять ночей плавания».

Судя по весьма лаконичному сообщению Плиния, плавание Полибия было совершено по маршруту Ганнона. Плиний приводит некоторые наименования, известные нам уже из перипла Ганнона: р. Ликс, гора Теон охема. Однако все прочие наименования мест, рек и племен, позволяющие утверждать, что Полибий в своем плавлении достиг р. Сенегала, звучат у Плиния в его изложении Полибиева сообщения о проделанном им пути совершенно иначе, чем у Ганнона. На этом основании Плиний высказывает известное недоверие по отношению к сообщениям Ганнона и утверждает, что от основанных им поселений во времена Полибия не осталось и следа. Краткость пересказа Полибиева отчета у Плиния не позволяет сопоставить топографически описания берегов Западной Африки у Ганнона и у Полибия. Такое сопоставление тем более затруднительно, что Ганнон указывает расстояния между названными им пунктами в днях плавания, а у Плиния расстояния между некоторыми из указанных Полибием пунктов исчислены в римских милях. Плиний опускает к тому же все географические и этнографические

¹ Судя по тому, что эти племена гетулов, предков позднейших туарегов, живших к юго-западу от Марокко и эфиопов, своими эпитетами связываются с именем р. Дарат, названной выше, их местоположение следует искать к северу от р. Сенегал.

Карта к плаванию Полибия в 146 г. до н. э.

Прямым шрифтом даны современные названия, курсивом—древние. Из упомянутых в тексте древних наименований на карте помещены лишь более известные, легче поддающиеся локализации на современной карте, а также наименования древних мавританских и негрских племен

характеристики, содержащиеся, вероятно, в отчете Полибия, за исключением того только, что в р. Бамботус живет очень много крокодилов и гиппопотамов, на основании чего эта река может быть сопоставлена с безымянной рекой у Ганнона, отождествляемой с современным Сенегалом.

Плиний пишет, что плавание Полибия было исследовательским предприятием. На этом основании современные ученые связывают с путешествием Полибия одно отрывочное сообщение, известное из найденной в Геркулануме греческой надписи II в. до н. э. В этой надписи упоминается об участии стоического философа Панаития, как и Полибий, являвшегося другом Сципиона в научном путешествии, принятом на семи кораблях «после того как он был на войне». Однако, к сожалению, никаких данных, кроме этого краткого пересказа у Плиния, которые позволили бы судить о познавательном значении плавания Полибия, нет. Во всяком случае, оно мало что прибавило к географии и этнографии Западной Африки, несмотря на то что Полибий был одним из наиболее выдающихся ученых своего времени, отличался большой эрудицией и наблюдательностью. Следует думать поэтому, что в плавании своем он был лишен возможностей для выполнения серьезных научных задач, потому, может быть, что оно было предпринято из каких-либо более практических соображений. Вероятно, Сципион был не прочь пожить тем золотом, о котором много говорилось в старинных карфагенских и греческих рассказах о Западной Африке, и ради этого он послал свои корабли по пути Ганнона.

ФИНИКИЙСКИЕ * * ПЛАВАНИЯ НА „ОСТРОВА БЛАЖЕННЫХ“

Для того чтобы закончить рассмотрение данных о древнейших плаваниях к югу от Геракловых столпов, нам остается сказать еще несколько слов о так называемых «Островах блаженных», расположенных к западу от Африки в океане.

Древние писатели и среди них в первую очередь

Диодор Сицилийский (I в. до н. э.) сообщают о них некоторые подробности, ссылаясь на рассказы финикийцев. Эти описания, содержащие восхваление климата лежащего в океане острова (или нескольких островов), растущих на них в изобилии плодов и их животного мира, заставляют вспом-

нить соответствующие поэтические характеристики «Островов блаженных» у Гомера и Гесиода, когда речь идет о заведомо потусторонней стране, населенной умершими (или бессмертными) героями. Однако, если у Гомера описание «Островов блаженных» связано лишь с отвлеченными, чисто мифическими представлениями¹, то более поздние описания приобретают черты известной географической конкретности, хотя бы в определении их местоположения, позволяющем отождествить эти острова с о. Мадейрой и Канарскими островами.

Об этом говорит описание «Островов блаженных» в биографии Сертория у Плутарха (гл. 9): «Два разделенные проливом острова удалены на сто тысяч стадий от Испании, они называются Островами блаженных. Редко выпадает там весьма умеренный дождь. Частые, мягкие, приносящие влагу ветры заменяют их и делают почву не только пригодной для посевов и посадок, но и производят дикорастущие богатые и вкусные плоды, которыми жители без труда и каких-либо усилий питаются в достаточной степени. Здоровый воздух, при едва заметных сменах времен года, порождается всегда умеренными температурами, так как дующие из большого отдаления северные и северо-восточные ветры теряют свою силу в неизмеримых промежуточных пространствах, а западные ветры приносят с моря или производящие дождь облака, или освежают их влагой, так что варвары пришли к убеждению, что здесь-то и находятся Елисейские поля и еще Гомером воспетое местопребывание блаженных».

К этому могут быть прибавлены любопытные штрихи, сообщаемые Псевдо-Аристотелем в сочинении «О чудесных слухах» и имеющие в виду, очевидно, о. Мадейру: «Говорят, что за Геракловыми столпами в море карфагенянами был открыт остров, богатый лесами, судоходными реками и плодами в изобилии. Он отстоит от материка на несколько дней

¹ Они ярко выражены в следующих стихах «Одиссеи» (IV, 561, слл.):

Но для тебя, Менелай, уготовили боги иное:
Ты не умрешь и не встретишь судьбу в многоконном Аргосе,
Ты за пределы земли на поля Елисейские будешь
Послан богами — туда, где живет Радамант златовласый,
Где пробегают светло беспечальные дни человека,
Где ни метелей, ни ливней, зимы холодов не бывает,
Где сладкошумно летающий веет Зефир, океаном
С легкой прохладой туда посылаемый людям блаженным...

пути. После того как карфагеняне стали часто его посещать и некоторое их число, вследствие его плодородия, вовсе туда переселилось, карфагенские суфеты [правители] запретили под страхом смерти плавать на этот остров и истребили его население, для того чтобы слава о нем не распространялась и чтобы народ не устроил против них заговора в стремлении захватить остров под свою власть и лишить Карфаген благополучия».

Собственно, эти черты конкретности появляются уже и в гомеровском эпосе, правда лишь применительно не к «Островам блаженных», а к острову Сирии — родине мифического героя Эвмея, расположенному в Западном океане и также являющемуся «блаженной землей». Наименование этого острова — Сирия — не может не быть сопоставлено с наименованием страны Сирии на востоке Средиземного моря, откуда приплывали финикийские корабли, направлявшиеся в Тартесс, за Геракловы столпы. Собственно, и самое название «Острова блаженных» (по-гречески „Μακαρον νησοι”) может быть рассматриваемо как переделка и приспособление для греческого уха финикийского наименования Мелькартовы острова, т. е. острова сирийского божества Мелькарта, главного бога финикийского города Тира, отождествлявшегося с греческим Гераклом.

На дальнем западе, и именно в Атлантическом океане, помещали древнейшие сказания, нашедшие выражение в эпической поэзии, также и сад Гесперид, с его золотыми яблоками. В этих плодах тоже можно усматривать отражение реальных известий о невиданных золотых плодах, произрастающих на берегах и островах Западного океана. Финикийцы и карфагеняне, плававшие вдоль западного побережья Африки, не могли не знать о существовании Мадейры и Канарских островов, так как последние бывают видны из прибрежных африканских вод (пик Тейде на о. Тенерифе в группе Канарских островов виден на расстоянии 180 км).

О том, что карфагеняне посещали о. Мадейру и Канарские острова и вели там торговлю, свидетельствуют археологические находки древних монет, обломков греческой и карфагенской керамики, произведенные на названных островах.

В древних сообщениях не один раз повторяется рассказ о том, что карфагенское правительство запрещало не только иноземцам, но и своим жителям посещать «Острова блаженных» из боязни, что, прельщенные их климатическими усло-

виями, их богатством и легкостью тамошней жизни, люди, однажды туда попавшие, не захотят более возвращаться на родину. Эта легенда (даже если в основе ее и лежат какие-либо известия о реальных запретах, вызванных причинами религиозного или торгово-протекционистского порядка, кому бы то ни было посещать «Острова блаженных») связана с весьма распространенным в древности представлением об особых социальных условиях жизни во всякого рода «блаженных», «счастливых» и т. п. странах и островах, расположенных в океане, где люди подчиняются законам, установленным в древнем царстве бога и мифического царя Кроноса, не знавшим социального неравенства, рабства, войн, неправого суда и т. д.

К этой весьма интересной теме, отчасти опять-таки связанной с реальными данными о заокеанских странах, нам еще предстоит вернуться, после того как будет рассмотрен последний цикл древнейших океанских плаваний — по Северной Атлантике и Северному океану. Под Северным океаном в древности понимали Северное и Балтийское моря, а иногда также и Каспийское море (многие древние географы считали его заливом Северного или Амальхийского океана).

ПЛАВАНИЯ ПО АТЛАНТИЧЕСКОМУ ОКЕАНУ К СЕВЕРУ ОТ ГЕРАКЛОВЫХ СТОЛПОВ

вязи Средиземноморья со странами северо-запада Европы, лежащими у Атлантического океана, относятся, несомненно, еще к эпохе бронзы. Однако для подтверждения этих связей в столь древнее время имеются лишь косвенные свидетельства. Кроме того, в точности неизвестно, какими путями эти связи осуществлялись: вероятнее всего, не по океанскому побережью, а посредством перевалочного судоходства по рекам средиземноморского бассейна и бассейна Северной Атлантики. Отзвуком этих материковых связей служат представления, нашедшие место в легендах о плавании аргонавтов по рекам, имеющим устья и в Средиземном и в Северном море, — такой рекой считалась, например, р. Эридан (По), северное устье которой отождествлялось с Рейном.

По р. Эридану (т. е., может быть, именно по Рейну и По) привозился в Средиземноморье балтийский янтарь, и поэма Аполлония Родосского «О походе аргонавтов», написанная в III в. до н. э., сохранила любопытные предания о

плаваниях по этим материковым водным путям, представленных в поэме в виде мифического океанского плавания, которое она описывает следующими словами:

- (627) Выплыв оттуда, вступили реки они в русло
Родана ¹,
Чьи глубочайшие воды когда в Эридан ² попадают,
То подымаются кверху и громко шумят при
смешении.
- 630 Проистекает река эта области самой из крайней,
Там ли, где ночи ворота и трон, и оттуда стремится
Руслом одним к Океана далекому берегу, к морю
Руслом другим Ионийскому и к Сардоний-
скому ³ — третьим,
В чей беспредельный залив ниспадает семью
рукавами.
- 635 Плыли оттуда по морю они беспокойному,
кельтов
Вдоль берегов бесконечных. Беда с ними там
приключилась
Злая: поток их увлек далеко к Океана заливу;
Не понимали они, заплывая туда, что ведь нету
Им ни пути из него, ни спасения больше, но Гера
- 640 Им кричала с вершины Геркинской ⁴, спустив-
шись с неба,
Грозно так вдруг зазвучал этот окрик в эфире.
С испугом
Все они вняли ему и тотчас же назад повернули
По повеленью богини. И вот лишь тогда-то узнали
О предначертанной им возвращенья дороге. И
после
- 645 Долгих скитаний и по указанию Геры достигли
Моря они берегов и затем продвигались незримо
Между племен без числа они кельтов и лиги-
ев ⁵ — скрыла
Их в беспросветном тумане на плаванье это
богиня.

Поэма сохранила и миф, соответственно которому янтарь — это слезы нимф — Гелиад (дочерей бога солнца — Гелия), оплакивающих брата Фаэфонта, Гелием сброшен-

¹ Древнее наименование р. Роны.

² Древнее наименование р. По, прилагавшееся иногда также к р. Рейну, как ее северному рукаву.

³ Часть Средиземного моря, прилегающая к о. Сардинии.

⁴ Т. е. Шварцвальда, ввиду наименования в древности части этой возвышенности Геркискими горами.

⁵ Иначе лигулов — племени, населявшего юго-восточную часть Франции и северо-западную часть Италии.

ного с солнечной колесницы, или слезы юноши Аполлона, наказанного его отцом Зевсом.

- (IV, 596 слл.) Мчалось под парусом судно, их в глубь
унося Эридана.
Некогда Гелия там огнепламенной в грудь
пораженный
Молнией, полусожженный упал Фаэфонт с
колесницы
В устья речного глубины. Оттуда поныне
тяжелый
660 Дух подымается вверх от его огнедышащей
раны.
Птица на крыльях легких над этой пром-
чатся водою
Даже не может, пути посредине, сожженная
жаром,
Падает, а с тополей высочайших стволов
Гелиады
Все там стенают и слезы, с глубокою
скорбью, роняют.
605 Из опечаленных глаз их прозрачными
каплями долу
Светлый янтарь нистекает все время на
землю, и там-то
Капли те пересыхают на почве песчаной
при солнце.
Волны на темном когда же, стремясь, раз-
биваются море
С силой о берег, под ветра звучащим
широко разлетом,
640 В реку при этом их все Эридан загоняет
течением
Кругообразным. Молва сохраняется промеж-
ду кельтов,
Будто бы слезы из глаз это сына Лето —
Аполлона.
В водовороты упавшие. Он же их множество
пролил,
Рода когда объявился для гипербореев свя-
щенных,
615 Светлое небо покинув свое, по отцовскому
слову.

Олово и свинец также поступали в Средиземноморье из северо-западных стран. Геродот упоминает о неких Касситеридских (т. е. «оловянных») островах, расположенных где-то в Атлантическом океане, о которых он, впрочем, ничего достоверно не знает.

Древнейшими мореходами, проникшими ради приобрете-
ния серебра, олова и свинца за пределы Средиземного моря,

были финикийцы из Тира, основавшие еще в конце II тысячелетия до н. э. торговый город Гадес (или Гадейр). Он находился близ современного Кадиса в Испании и использовался финикийцами для торговли с Тартессом — центром одноименной области, славившейся своими серебряными рудниками, расположенными при устье р. Гвадалквивира. Древнейшие упоминания об этой тартесско-финикийской торговле содержит Библия, соответствующие данные которой восходят к VIII—VII вв. до н. э.

ПЛАВАНИЕ ГИМИЛЬКОНА

К несколько более позднему времени (а по утверждению Плиния Старшего, неизвестно, однако, на чем основанному, именно ко времени путешествия Ганнона) относятся сообщения о плавании карфагенянина Гимилькона вдоль западных берегов Иберии (Испании) и на север, вдоль побережья

Кельтики (Франции) до Эстримнидских островов, которые должны соответствовать Касситеридским островам греческих писателей.

Добычей олова в древности, по свидетельству Юлия Цезаря и преимущественно на него опиравшегося Страбона, который написал свою «Географию» в начале I в. н. э., славилась область Корунны на юге Англии (позднейший Корнуэлл). Многие современные ученые на основании этого полагают, что Гимилькон достиг в своем плавании берегов Англии. К сожалению, судить об этом серьезно совершенно невозможно ввиду того, что от Гимилькона до нас не дошло описания, подобного периплу Ганнона, а лишь краткие, достаточно неопределенные и почти лишенные подробностей сообщения Плиния Старшего да столь же краткий и мало-конкретный поэтический пересказ в географической поэме IV в. н. э. «Морские побережья» латинского писателя Руфа Феста Авиена. Некоторые скудные подробности рассказа о плавании Гимилькона могут быть почерпнуты именно из этого сочинения:

«(Авиен. Морские побережья, 80). Широко раскинувшись, лежит земной круг, и вода омывает тот круг со всех сторон. Но там, где волны глубоких вод, изливаясь из

Океана, изгибаются заливом, чтобы затем раскинулась пучина нашего [Средиземного] моря, тут начинается атлантическое побережье. (85) Тут есть город Гадейр, он прежде назывался Тартессом, тут колонна Геркулеса, неутомимого в трудах, Абила [гористый мыс Мавретании, один из отрогов Малого Атласа] с Кальпой [древнее название Гибралтарской скалы, вместе с мысом Абила на африканском берегу Гибралтарского пролива образовывавшей Геракловы столпы], последняя на левой стороне, на той земле, о которой я веду рассказ, а по соседству с Ливией Абила. Шумит вокруг них могучий северный ветер, они же стоят незыблемо.

(90) Выдаваясь вперед, высокий горный кряж подымает здесь к небу свою главу — Эстримнидой ¹ называлась она в более древние времена. Вздываясь вверх, вся громада каменных вершин обращена преимущественно к югу, к дыханию теплого [ветра] Нота. Внизу же у этих гор, у самого их подножия, где выступает мыс, (95) перед глазами жителей широко открывается Эстримнидский [Бискайский] залив. В нем лежат те острова, которые называются Эстримнидами: широко раскинувшись, они богаты металлами — свинцом и оловом. Здесь живет много гордого духом народа, настойчивого и ловкого. (100) Им всем прирождена любовь к торговле. На шитых своих судах они далеко бороздят и бурное море, и океанские бездны, полные чудищ.

Не из соснового [дерева] строят они корабли, не из клена и не из ели, как обычно, (105) сгибают они кили своих челнов, но чудесным образом они делают корабли из сшитых шкур, и часто на таких судах из крепкой кожи переплывают они широкие моря. Оттуда до острова Священного ² — такое название придали ему древние — лежит двухдневный путь для кораблей.

(110) Среди вод он подымается широкой поверхностью, и на большом пространстве живет и трудится на нем племя гиернов. Поблизости от него лежит остров племени альбионов [Британия, или Англия]. Было привычно для жителей Тартесса вести торговлю в Эстримнидских пределах. Но и поселенцы Карфагена, (115) и народ, живший у Геркулесовых столпов, не раз плавали по этим морям. Пуниец Гимилькон,

¹ Следует отождествлять с западной частью Пиренейского хребта у южной части Бискайского залива.

² Наименование Гиерна (Священный) прилагалось в древности к о. Ирландии.

сообщающий, что он сам испытал все это на деле, с трудом доплыв сюда, говорит, что проделать этот путь возможно лишь за четыре месяца.

(120) Там нет движений ветра, чтобы подгонять корабль, ленивая поверхность тихих вод стоит неподвижно. К этому добавляется еще и то, что среди нучин там растет много водорослей, и не раз, точно лесные заросли, они препятствуют движению судов. (125) К тому же, по его словам, и дно морское здесь не очень глубоко, и мелкая вода едва только прикрывает землю. Нередко встречаются там стаи морских зверей, и между медленно и с задержками движущихся кораблей ныряют морские чудовища... По старинному обычаю его называют Океаном, но иначе он называется Атлантическим морем. Его пучины ширятся на огромное пространство (405) и далеко разливаются в беспредельном очертании берегов. По большей части вода его настолько мелка, что едва покрывает лежащие под ней пески. Над поверхностью воды поднимаются густые водоросли, и ил препятствует здесь течению. Огромное количество чудищ плавает в этом море, и от морских зверей великий страх объемлет соседние земли. В древности пуниец Гимилькон рассказывал, что сам видел их на волнах Океана и сам испытал на себе [эти страхи]. Все эти подробности, переданные с древнейших времен пуническими летописями (415) через дальние века, в свою очередь я передаю теперь тебе»¹.

Мы узнаем из этого описания, во-первых, что путешествие Гимилькона продолжалось четыре месяца и было связано с очень большими препятствиями, мешавшими движению корабля.

Упоминаемые среди этих препятствий заросли водорослей позволили некоторым современным комментаторам этого текста думать, что Гимилькон был отнесен далеко к западу и попал в так называемое Саргассово море, заполненное плавучими водорослями, встречи с которыми очень боялись плававшие уже в новое время через Атлантический океан мореплаватели.

Быть может, однако, в подобных толкованиях Авиенова текста больше проницательности, чем в данном случае требуется. Мы уже знаем, что описания путешествий вдоль за-

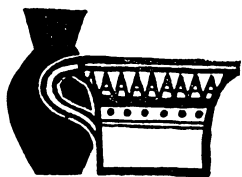
¹ Перевод С. П. Кондратьева. «Вестник древней истории», 1939, № 2.

падных берегов Африки, в частности рассказы о плаваниях Сатаспа и Эвдокса, также содержат указания на какие-то препятствия, не позволяющие судам плыть дальше. Видимо, эти устрашающие препоны фигурировали в финикийских и греческих сообщениях об экзотических плаваниях, отчасти романтики ради, а главным образом для отпугивания возможных конкурентов.

Подобного рода устрашения применительно к океанским путешествиям в особенности свойственны эпической поэзии. Поэт же Пиндар (V в. до н. э.) даже характеризует плавание за Геракловыми столпами как нечто реально невыполнимое.

Можно допустить, что в основе тех рассказов Авиена, какие сообщают о помехах в плавании Гимилькона, заложено нечто подобное реальному знакомству с покрытыми водорослями морскими пространствами. Известно ведь, что обрывки таких переплетенных водорослевых ковров ветрами и течениями приносит иногда и к европейским берегам. Но это еще не значит, что в рассказе о плавании Гимилькона подобные переживания соответствовали действительным условиям плавания вдоль берегов Испании и Галлии. В связи с этим более уместным представляется вопрос о реальности самого плавания. Оно, как и другие подобным же образом описанные плавания, вследствие очень малой конкретности сообщаемых подробностей, естественно, вызывает сомнение. Быть может, эта недостаточная конкретность объясняется тем, что сведения о плавании Гимилькона дошли до нас из вторых или из третьих рук. Но еще более вероятно то, что и оригинальное описание этого плавания «в пунических летописях», если таковое существовало в действительности, представляло собой в силу недостаточной осведомленности карфагенян и греков о географии западных берегов Иберии, Кельтики и тем более Британии, что-либо вроде описания плавания Скилака.

Как бы то ни было, этот рассказ может быть признан непреложным свидетельством морских связей карфагенян с берегами Северной Испании, Кельтики (по побережью Бискайского залива) и, может быть, Британии с Ирландией.

ПЛАВАНИЕ* ПУБЛИЯ КРАССА

Для суждения о трудно отождествимых Касситеридских (или Эстримнидских) островах существенным является сообщение Страбона о плавании к ним в начале I в. до н. э. римского военачальника Публия Красса, со слов которого (неизвестно, Впрочем, где зафиксирован-

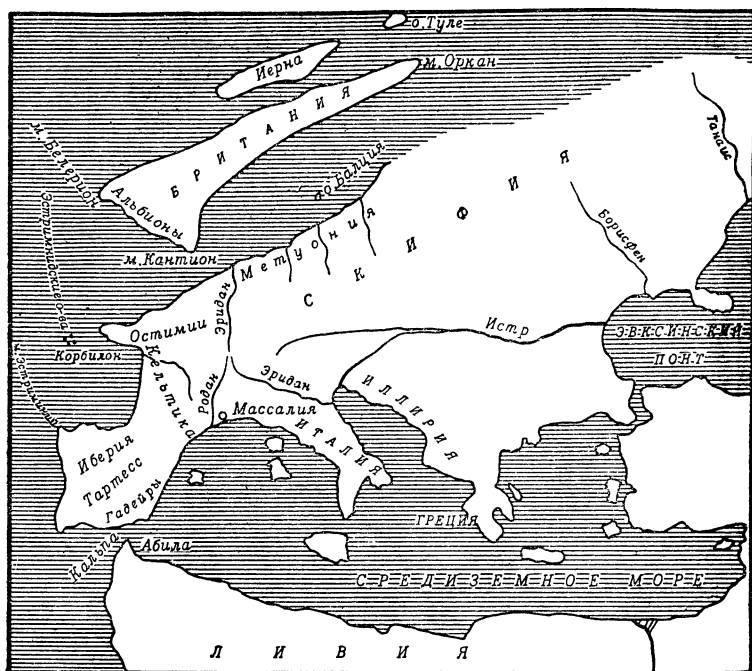
ных) он его, видимо, и описывает.

«(Страбон, География, III, 5, 11) Касситеридских островов десять. Лежат они в открытом море близко друг от друга к северу от гавани артабров¹. Один из них пустынен, прочие населены людьми, носящими черные плащи и хитоны длиною до пят. Они перепоясывают грудь и ходят с посохами, подобные богиням Пойнам из трагедий². Питаются они от своих стад и ведут кочевую жизнь. У них имеются оловянные и свинцовые рудники, и они выменивают у морских торговцев на эти металлы и на кожи глиняную посуду, соль и медные изделия. В древности эту торговлю вели с ними одни только финикийцы из Гадейр, скрывая от всех других дорогу. Когда однажды римляне стали преследовать владельца корабля с целью узнать эти места торговли, то он из корысти намеренно навел свой корабль на мель и, погубив таким образом своих преследователей, сам спасся на обломках кораблекрушения и получил от казны вознаграждение за утраченные товары. Однако римляне после неоднократных попыток открыли наконец этот морской путь, и когда потом Публий Красс прибыл к островам и увидел, что металлы добываются там на небольшой глубине и что тамошнее население мирно, он сообщил подробные сведения всем желающим плыть по этому морю, хотя и более широкому, чем то, которое отделяет Британию от материка».

В этом Публии Крассе, вероятнее всего, следует видеть того Публия Лициния Красса, который управлял Испанией в 95 — 93 гг. до н. э. Более поздние свидетельства, основанные на данных, добытых завоевательными предприятиями Юлия Цезаря на северо-западе Галлии и в Британии, зна-

¹ Древнеиберийское племя у северо-западной оконечности Испании, у современного Ла-Корунья.

² Персонификация Мщения и Наказания в древней трагедии.

Северо-Западная Европа по Гимилькону и Питею
(V — IV вв. до н. э.)

комат нас с добычей олова в британском Корнуэлле, но не содержат более никаких данных об этих загадочных островах. Поэтому приходится думать, что приведенное сообщение Страбона, упоминающее об этих островах лишь в силу многовековой традиции, имеет в виду реально не что иное, как открытие и захват Крассом оловянных рудников, находившихся где-то на крайнем северо-западе Испании (о чем кое-что было известно уже и Посидонию) и функционировавших, быть может, еще и в глубокой древности. Весьма вероятно, что это испанское олово, более доступное с моря, чем сухим путем, так же как и британское олово, а может быть даже и в первую очередь, послужило причиной возникновения легенды о Касситеридских островах.

Легенда эта — свидетельство о заинтересованности древних греков в олове и в драгоценных металлах, привозивших-

ся с северо-запада Европы. По той же причине возникли и другие легенды и рассказы, всякий раз отображающие связи стран, расположенных на Эгейском море, с Испанией, а быть может даже и самой Британией. У Плиния сохранилось отрывочное сообщение о греке по имени Мидакрит, который якобы впервые привез с Касситеридских островов олово.

Это искусственным образом созданное имя должно быть сопоставлено с именем знаменитого фригийского царя Мидаса, жившего в Малой Азии в конце VIII — начале VII в. до н. э. Оно, вероятно, служит отголоском каких-то древних рассказов о торговле металлом и о плаваниях, которые предпринимали ионийские греки из Малой Азии к берегам Испании, покупавшие там олово и драгоценные металлы, а затем перепродававшие их фригийцам и лидийцам.

Милетяне, самосцы, фокейцы и другие малоазийские и эгейские греки в VII — VI вв. до н. э. наперебой устремлялись в западные воды к берегам Италии и Испании, в погоне за металлами. Весьма характерный и вполне правдоподобный рассказ об этом передает Геродот.

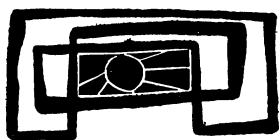
«(I, 163) Фокеяне раньше всех эллинов стали предпринимать далекие путешествия по морю, открыли Адриатический залив, Тиррению, Иберию, Тартесс. Для этого они пользовались не круглыми судами, а пятидесятивесельными. В Тартессе они снискали себе расположение тартесского царя по имени Аргантония¹, царствовавшего в Тартессе 80 лет и прожившего не менее 120 лет. Фокеяне так понравились Аргантонию, что он предложил им покинуть Ионию и поселиться в его земле, где им угодно».

«(IV, 152) ...Корабль, принадлежавший самосцу Колаю, на пути в Египет был занесен на о. Платею [островок к западу от Крита]. Когда они отплыли от острова по направлению к Египту, восточным ветром их отнесло в сторону; ветер не унимался, пока они не прошли через Геракловы столпы и не прибыли, по указанию божества, в Тартесс. В то время этот торговый город был еще не тронут никем, благодаря чему самосцы по возвращении назад извлекли такую прибыль от продажи товаров, как никто из эллинов».

Однако это греческое мореплавание в испанских водах должно было прекратиться уже в конце VI в. до н. э., по мере

¹ Это мифическое имя в первой своей части, вероятно, происходит от греческого *argyrión* — серебро.

усиления Карфагена, прочно и надолго запершего для греков, а позднее и для римлян Гибралтарский пролив. Поэтому мы очень долго не слышим ничего о греческих плаваниях в атлантических водах, пока, наконец, во второй половине IV в. до н. э. в Массалии (современный Марсель) — крупнейшем из тогдашних греческих торговых центров Западного Средиземноморья не появился человек, имя которого связано с самыми смелыми географическими открытиями древности. По его собственным словам, известным нам, правда, далеко не из первых рук, он проплыл по Атлантическому океану до Бретании и до о. Туле (Скандинавии), а оттуда также проплыл или прошел пешком, как передает Страбон, вдоль побережья Северной Европы до р. Танаиса (т. е., как полагают, во всяком случае до Эльбы или даже до Вислы). Уже в древности человек этот по имени Питей был объявлен обманщиком и фантазером. Спор о реальном значении сообщений о Питеевом плавании продолжается в науке и по настоящее время.

ПЛАВАНИЕ ПИТЕЯ ИЗ МАССАЛИИ

Неверие, которым были проникнуты к Питею его древние критики, в особенности Полибий и несколько в меньшей степени Страбон, в значительной мере является причиной того, что в нашем распоряжении имеются лишь самые краткие и при этом далеко не всегда достаточно внятные отрывки его собственных слов. Письменная

традиция сохранила наименования двух его сочинений — «Землеописание» и «Об океане». Возможно даже, что это лишь по-разному переданные названия одного и того же сочинения.

Из сообщений Страбона (который в этом случае опирается на своего учителя Эратосфена, достаточно широко воспользовавшегося трудами Питей) и из замечаний некоторых древних астрономов явствует, что Питей был передовым ученым своего времени не только в географии, но также и в области астрономии. Так, он определил широтное положение своего родного города Массалии, чем впоследствии воспользовался другой великий физик и астроном древности, Гиппарх, для проведения параллели через Массалию и Ви-

заний (Стамбул). Гиппарх воспользовался также и тем определением, которое дал Питей для точки Северного полюса, являвшийся для того времени, по его расчету, одной из вершин треугольника, образованного звездой β созвездия Малая Медведица и звездами δ и κ созвездия Дракона. Питей произвел также определение высоты Солнца и измерение широты для четырех точек, соответствующих 48, 54, 58 и 61° северной широты. А так как измерение полуденной высоты Солнца, необходимое для этих расчетов, могло быть получено лишь на месте, следует допустить, что Питей или сам побывал под указанными широтами, или же пользовался данными каких-либо доверенных лиц. Однако для того чтобы допустить, будто он сам или какой-либо другой грек из Массалии мог произвести эти измерения, необходимо решить вопрос о реальной возможности подобного путешествия в ту эпоху.

Строгость, с какой карфагенское правительство оберегало берега Испании и Гибралтарский пролив от посягательств греков и этрусков (что явствует из первого договора Карфагена с Римом, заключенного в последние годы VI в. до н. э. и полностью приводимого в «Истории» Полибия), делает весьма мало вероятной возможность плавания греческого корабля в атлантических водах в IV в. до н. э. Также нелегко себе представить, чтобы грек мог проделать этот путь на каком-либо карфагенском судне. Однако остается еще возможность для материковых сообщений с северной Кельтикой по Роне и Луаре, о чем вскользь была уже речь немного раньше.

Принимая во внимание, что Полибий со ссылкой на Питея сообщает о торговом городе Корбилоне, расположенном на берегу р. Лигера (Луары), можно думать, что греки проникали к североатлантическому побережью ради приобретения олова и янтаря именно этим путем. На существование такого пути в древнее время намекает известный уже нам поздне-римский географ Руф Фест Авиен в его «Морских побережьях». Однако нужно думать, что если Питей действительно воспользовался этим путем, то в своем описании такой серьезный наблюдатель, каким себе его приходится представлять, должен был бы сообщить о нем какие-либо подробности. Тем не менее вплоть до походов Цезаря античная наука не располагала почти никакими сведениями о внутренних областях Кельтики (современной Франции).

Питей сообщает некоторые данные о северо-западной части Кельтики, как об области племени остимиев. Западную оконечность этой области он называл мысом Кабайон. Имя

остимиев (которых Страбон называет осисмиями), по-видимому, следует сопоставить с эстримниями других древних авторов, по которым были поименованы Эстримнидские (они же Касситеридские) острова. Для одного из этих островов Питей сообщает имя Уксисама, отождествляемое с современным Уэссаном, до которого, по Питею, от берегов Кельтики необходимо плыть трое суток. Далее Питей сообщает некоторые сведения о Британии (Англии), придавая этому острову искусственную, треугольную форму.

Данными Питея о Британии позднее воспользовался знаменитый александрийский географ Эратосфен. По этим представлениям, треугольный остров Британия был обращен вершиной к северо-западу, а основанием к северному берегу Кельтики. Углы основания этого треугольника образуют два мыса — Кантион на юго-западе и Белерион на северо-западе, на северо-востоке же его располагается мыс Оркан, удаленный от мыса Белериона на громадное расстояние в 20 000 стадий (около 2000 километров). Сохранилось сообщение Страбона, указывающее на ошибку Питея при определении размеров о. Британии. Соответственно данным Страбона, Питей якобы сообщает еще и о том, что он исходил всю Британию пешком. Некоторые современные ученые допускают, что Питей строил свои суждения о размерах Британии на сообщениях о длине каботажного плавания вокруг острова, учитывавших все извилины его берегов. По-видимому, Питей сообщал также какие-то сведения о добыче олова у племени бриттов недалеко от мыса Белерион (современный Корнуэлл), в юго-западной части острова, о мирном и трудолюбивом характере туземцев, имевших сношения с заморскими торговцами, которым они продавали металл. Этими сведениями значительно позднее воспользовался греческий историк Диодор Сицилийский.

На расстоянии шести дней плавания от мыса Оркан, в северном направлении, Питей помещает о. Туле, который фигурирует во многих более поздних географических описаниях. Этот остров, по представлению Питея, являлся северным пределом Вселенной, так что если плыть от него еще дальше на север, хотя бы на протяжении одного дня, то не будет уже ни воды, ни земли, ни воздуха, а лишь какая-то смесь всех этих трех стихий, которую он именует «морское легкое». Там невозможно передвигаться ни пешком, ни на корабле.

О положении о. Туле и о реальном смысле описанных Питеем удивительных физических явлений, якобы наблюдае-

мых к северу от этого острова, еще в древности, а также и в новое время происходило немало споров. Некоторые ученые (начиная со Страбона) склонны были объявить о. Туле просто выдумкой Питея. Другие же пытались так или иначе согласовать его данные с реальной географией. Ввиду того что Питей представлял себе о. Туле как обитаемую землю, расположенную где-то у полярного круга, не так давно знаменитый полярный исследователь и путешественник Фритц-оф Нансен высказал предположение, что Туле — это северо-западная часть Норвегии, примерно у Тронхеймского фиорда. Положение этой местности, по его мнению, вполне подходит к данным Питея о двух-трехчасовой продолжительности летних ночей на о. Туле. Островом же Скандинавию продолжали считать и значительно позднее Питея — вплоть до XI—XII вв.

Пользуясь указаниями Питея, Плиний в своей «Естественной истории» сообщает, что к северу от о. Туле находится «свернувшееся» море, называемое-де некоторыми писателями Кроновым. Это сопоставление северной части Атлантического океана с легендарным Океаном бога Кроноса, царя царства блаженных в потустороннем мире, вполне соответствует сказочным представлениям о крайнем севере. Такие же картины не могли не возникать из сообщений Питея, основывавшихся в какой-то степени все на тех же баснях, какие еще и раньше звучали в рассказах финикийских мореплавателей о чудесах Атлантики и об ужасах «непроходимого» моря, легенда о котором в своей основе имеет не что иное, как отдаленное и завуалированное представление о полярных морских льдах. Надо также полагать, что сведения об о. Туле, лежащем не то у самого полярного круга, не то несколько к югу от него, на широте современных Шетландских островов, основаны скорее всего на отвлеченных и полуполюгендарных данных об островах Северного моря, поэтому его точная локализация так же мало вероятна, как и локализация Эстримнидских (Касситеридских) островов.

Измерения высоты Солнца, произведенные Питеем для этих широт, могли основываться на показаниях тех людей, которые либо сами плавали на север, либо были более или менее подробно осведомлены о таких плаваниях. В одном из отрывков сочинения Питея, сохранившемся в греческом астрономом I в. до н. э. Геминием в его «Элементах астрономии», сообщается о том, что «варвары показали нам место, где Солнце удаляется на покой. В этой местности ночь была очень коротка — в одних местах она продолжалась два, а в

других три часа, так что Солнце по прошествии короткого времени после захода появляется вновь». Из неопределенности и неясности этого отрывка следует заключить, что речь здесь идет не о чьих-либо личных наблюдениях, а лишь об описаниях явлений, далеко не вполне ясных самому рассказчику. Следует, разумеется, считаться и с возможными позднейшими искажениями сообщений Питея, которые могли породить или во всяком случае усугубить неясность и туманность Питеевых рассказов о северных странах.

К числу таких искажений, быть может, относится сообщение Страбона о том, что Питей будто бы прошел пешком по северным берегам Европы вплоть до Танаиса. Реальный смысл этого сообщения таков же, как содержащееся в «Истории» Геродота упоминание о путешествии Аристия из Проко-несса, который дошел якобы до области племени исседонов, живших где-то в азиатских пространствах к северу от Индии.

Питеем, однако, несомненно, были собраны некоторые наблюдения и сведения о северных берегах Кельтики и о Прибалтике. Диодор Сицилийский и Плиний со слов Питея сообщают о «скифских» берегах и островах близ Кельтики на Северном океане, где в больших количествах местными жителями собирается янтарь. Питей, видимо, считал, что к востоку от Кельтики, границу которой он помещал на Эридане (Рейне), начинается Скифия. Питей называет имя племени гвинонов, живших на заливаемом приливами Северного моря побережье, которому дает имя Ментономия или Метуоний — в этих именах некоторые ученые хотели бы слышать подобия более поздних древнегерманских племенных наименований иствеонов или тевтонов.

На расстоянии одного дня плавания от этого побережья Питей помещает остров, на который в весеннее время волны выбрасывают янтарь, происходящий из «свернувшегося» моря. Жители острова употребляют его на топливо и для продажи. Имя этого янтарного острова — Абалус (или Балция), в котором позволительно угадывать отзвук наименования Балтики. Остров отождествляется с Гельголандом, положение которого наиболее точно соответствует данным Питея.

Что касается имени р. Танаиса, которое в древности чаще всего прилагалось к Дону, то весьма возможно, что Питей употребил его лишь символически, в качестве имени реки, разграничивающей Европу и Азию, желая сказать, что европейский север известен ему до самых границ Азии. Одна-

ко многие современные ученые, допускающие, что Питей действительно путешествовал по Северной Европе, хотят видеть в Танаисе Питея какую-либо реальную северную реку — и скорее всего Эльбу.

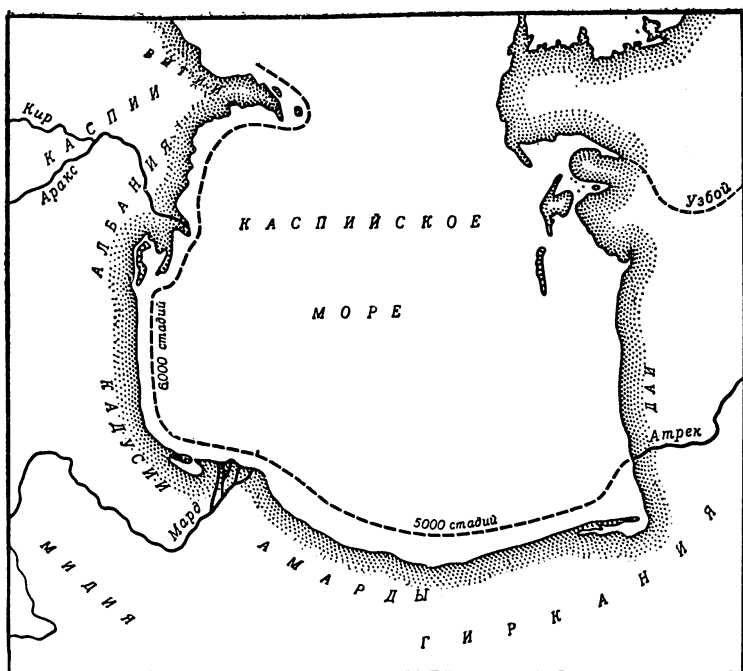
Между тем путешествия Питея, по-видимому, не более реальны, чем путешествия его земляка Эвтимена к «истокам Нила» или плавание Скилака по Индийскому океану. Поскольку не имеется никаких конкретных данных, вроде тех, какие сообщали о своих путешествиях Ганнон, Нearch и Полибий, осторожнее и разумнее говорить не о реальном путешествии Питея по северным странам, а лишь об определенной литературной форме романа о путешествии, в которую он облек собранные и сообщаемые им сведения о севере Европы — форме, как мы видели, весьма принятой в древней литературе. Но это отнюдь не умаляет значения его астрономических и географических исследований, оказавших огромное влияние на всю последующую науку.

Материалы наблюдений Питея должны были служить серьезным аргументом в поддержку теории существования сплошного водного океанского пространства на севере Европы и Азии, соединяющегося на востоке с Индийским или Восточным (Эойским) океаном. Так, в значительной степени опираясь на исследования Питея, представлял себе положение вещей в III в. до н. э. Эратосфен. Влияние этих представлений было достаточно глубоко. Оно сказывалось также и в тех случаях, когда реальные географические факты были неизвестны, а лишь предполагались соответствующими этим представлениям, влиявшим подчас на выводы весьма серьезных наблюдателей.

Вследствие этого удерживалось древнее, высказанное еще, может быть, Гекатеем (а вернее, кем-либо из его современников), предположение о том, что Каспийское море представляет собою залив океана. С этим мнением упорно и резко спорил Геродот,

утверждавший, что Каспийское, или Гирканское, море — замкнутый бассейн. Но в значительной степени опять-таки под влиянием взглядов Питея, в III в. до н. э. Каспийское море как залив Северного, или Скифского, океана пред-

Карта к плаванию Патрокла (III в. до н. э.)

ставлял себе управитель прикаспийских областей в царстве одного из преемников Александра Македонского — Селевка Никатора (306—280 до н. э.) — Патрокл. По словам Страбона и Плиния, Патрокл полагал возможным приплыть из Каспийского моря в Индию.

Плиний сообщает также, что царь Селевк будто бы собирался соединить Каспийское море с Меотидой (т. е. с Азовским морем) посредством канала, который должен был проходить по современной Манычской низменности. Плавание Патрокла по Каспийскому морю, происходившее в 80-е годы III в. до н. э., могло быть предпринято в связи с этими планами. Вернее же всего, оно должно было поддержать безопасность торгового пути из Индии через Кавказ к Черному морю, имевшего существенное значение для малоазийско-индийской торговли в эпоху эллинизма. Несомненно, что именно в связи с этой торговлей Патрокл и сообщал что-то о

возможности водного пути из Каспийского моря в Индию. При этом он, может быть, имел в виду не столько океанское плавание, сколько перевалочное судоходство по рекам.

Страбон, ссылаясь на Патрокла, по этому поводу писал: «(Страбон. География, II, 1, 17) ...вход [в Каспийское море из Северного океана] отстоит от середины Каспийского моря, а также от Армянских и Мидийских гор почти на 6000 стадий, и кажется, что этот пункт приморского берега наиболее северный и туда можно приплыть из Индии, как свидетельствует Патрокл, долгое время управлявший этими местами».

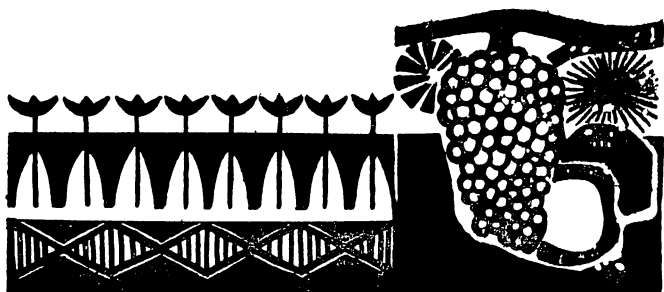
Как бы то ни было, совершенно несомненно, однако, что со слов Патрокла Страбон и Плиний характеризуют Каспийское море, как глубокий и расширяющийся к югу залив Северного океана, берега которого населены различными племенами; последовательность их расположения и занимаемые ими пространства Патрокл устанавливает достаточно определенно и точно. Нет никакого сомнения, что Патрокл действительно плывал вдоль южного и западного берегов Каспийского моря, и составленное им описание этого плавания частично сохранено для нас в «Географиях» Страбона и Птолемея, а также в «Естественной истории» Плиния. Как же могло получиться, что Патрокл мог принять замкнутый бассейн за залив океана?

Ответ на этот вопрос может быть без особенного труда получен из рассмотрения реальной географии тех прикавказских племен, какие называет в своем описании Патрокл. В передаче Страбона оно звучит следующим образом.

«(XI, 7, 1) Современники наши называют даями, с прибавкой еще имени парнов, те кочевые народы, которые живут вдоль Каспийского моря и находятся налево для врывающегося в море [из Северного океана]. Далее внутрь лежит пустыня, а за нею Гиркания, где море расширяется, пока не соприкасается с Мидийскими и Армянскими горами. Основания этих гор, оканчивающиеся у моря и образующие угол залива, имеют форму луны. Этот бок горы от моря до самых вершин заселен на небольшом пространстве частью албанов и армян, большую же протяженность склона занимают гелы, кадусии, амарды, витии и анариаки... Большую часть морского берега вдоль горного хребта занимают кадусии, на пространстве почти 5000 стадий, как утверждает Патрокл, по мнению которого Каспийское море равняется Понтийскому [т. е. Черному]».

Наиболее удаленным к северу из перечисленных им племен, живущих на западном берегу Каспийского моря, оказывается племя витиев (или утиев). Сопоставляя список названных Патроком племен и указанных для определения их географического положения расстояний, которые были им преодолены вдоль побережья, заселенного этими племенами, с данными карты Птолемея, нетрудно убедиться в том, что Патрокл проник к северу вряд ли далее Апшеронского полуострова. Об этом свидетельствует также и приведенное им соотношение ширины и длины Каспийского моря, выражающееся соответственно цифрами в 5000 и 6000 стадий. Дальнейшее же, расположенное к северу от Апшеронского полуострова и несколько расширяющееся к западу, морское пространство Каспия и могло скорее всего быть принято Патроком за Северный океан.

Называемые им кавказские племена — албаны, армяне, гелы, кадусии и витии — все умещаются к югу от Апшеронского полуострова. Витиев же, называя их удидам, Плиний, по-видимому также со слов Патрокла, помещает у самого выхода в океан, что может служить дополнительным подтверждением того, что Патрокл изучил западное побережье Каспия вряд ли многим далее устья р. Куры. То обстоятельство, однако, что и он, и сам Эратосфен, и многие из более поздних географов считали его плавание океанским, обязывает и нас, с соответствующими оговорками, включить его перипл в число древнейших океанских плаваний.

СОЦИАЛЬНО- УТОПИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РОМАНИЧЕСКО-ГЕОГРА- ФИЧЕСКОГО ЖАНРА

При рассмотрении древних легенд и реальных географических данных, касающихся «Островов блаженных», уже отмечалось наличие в соответствующих сообщениях некоторых элементов социальной утопии. Происхождение этих утопических идей, связанных с определенными географическими представлениями, коренится в древних религиозных верованиях, относящихся к культу божеств плодородия, в частности таких, как греческий Кронос и римский Сатурн, почитавшихся царями потустороннего царства блаженных и царями «золотого века», некогда якобы существовавшего на Земле и завещанного людям в будущем.

Царство Кроноса — Сатурна не знало ни войн, ни рабства, ни других социальных несправедливостей. Оно представлялось полной противоположностью реальной действительности рабовладельческого общества. Исторически соответствующие легенды связывали «золотой век» с первобытной эпохой, когда между людьми царило равенство и челове-

ческое племя жило в естественных условиях, без изнурительного труда, пользуясь благами природы. Подобную картину «золотого века» впервые в греческой литературе нарисовал Гесиод в своей поэме «Труды и дни»; соответствующий ее раздел, изображающий смену веков — золотого, серебряного, бронзового и железного, с постепенным ухудшением условий существования и ожесточением социальных порядков, был первой из известных в древнегреческой литературе попыток социального философствования, отразившей в себе тенденции, отрицающие и осуждающие рабовладельческий общественный строй, с его классовым угнетением и односторонней моралью.

В гомеровских поэмах мы находим упоминания об отдаленных и первобытных народах Севера, как о народах «счастливых» и «справедливых», не знающих разрушительного действия тех сил, которые разъедали античное общество.

С увеличением роли рабства в хозяйстве и с усилением классовой борьбы отмеченные направления в античной литературе сделали еще более явными. Появилась литература, социально-философской тенденцией которой было развитие отмеченных утопических черт. После того как эти черты дали себя почувствовать в эпической поэзии, в драме (а также, в особенности, в комедии), в философской литературе развился специальный жанр утопического философско-географического романа, целью которого было изображение справедливого социального порядка, существующего на каком-либо экзотическом и изолированно расположенном в океане острове. Зачатком нового жанра может быть признано описание о. Атлантиды в диалогах Платона «Тимей» и «Критий», где изображалась жизнь необычайного народа атлантов, среди богатейшей природы, посреди Атлантического океана. Описание острова, на котором жили атланты, во многих чертах соответствовало тому, с чем мы познакомились в связи с характеристикой «Островов блаженных», созданной на реальном географическом материале, почерпнутом из впечатлений от острова Мадейры и Канарских островов.

По мере развития нового жанра и углубления его социально-утопической стороны, в нем все более экзотические и яркие краски приобретала географическая сторона. Об этом свидетельствуют такие произведения, как «Священная летопись» Эвгемера, в которой описывается чудесный остров Панхайя, и «Государство Солнца» Ямбула, написанные в

III в. до н. э. и известных лишь по краткому пересказу Диодора. И о. Панхайя у Эвгемера и Солнечный остров у Ямбула находятся где-то к югу от Аравии среди вод Индийского океана и своими природными условиями соответствуют островам Мадагаскар или Цейлон, о которых после походов Александра Македонского и плавания Неарха, в эпоху написания рассматриваемых нами произведений, должны были проникнуть в географическую литературу различные полуфантастические сведения.

ОСТРОВ ПАНХАЙЯ

Жизнь на о. Панхайе протекает при царях-богах Уране, Кроносе и Зевсе, во многом напоминая описание жизни на «Островах блаженных» или на Гомеровском острове Сирии. Жители Панхайи не знали частной собственности на землю. Убойный скот и сельскохозяйственные продукты поступали на обще-

ственные склады. Всеми общественными делами на Панхайе заправляли жрецы, как наиболее разумные члены общины, а ремесленники и художники по общественному положению ставились с ними в один ряд. Система распределения продуктов, основанная на принципе равенства, предусматривала поощрительные премии для лучших работников. Все это мы узнаем из Диодора, рассказывающего следующее.

«(Диодор. Историческая библиотека, V, 42, 4 слл.) Что касается самой Панхайи, то остров обладает многими достопримечательностями исторического значения. Он населен людьми местного происхождения, называемыми панхейянами, тогда как иностранцы зовутся океанитами, индийцами, скифами и критянами. На острове имеется большой город, называемый Панара, необыкновенно благоденствующий. Его жители называются приспешниками Зевса Трифилия. Одни лишь обитатели о. Панхайи живут по своим собственным законам и не имеют царя над собою. Ежегодно избирают они трех правителей. Эти правители не имеют права выносить смертные приговоры, но судят по прочим делам. Во всем важнейшем они обращаются к жрецам. Стадиях в шестидесяти от Панары находится храм Зевса Трифилия, стоящий на

равнине и почитаемый за его древность, красоту сооружения и местонахождения.

(43) Местность вокруг храма покрыта разнообразной растительностью, не только приносящей плоды, но и радующей глаз. На равнине растут кипарисы огромной величины, платаны, лавры и мирты, между которыми бьют многочисленные родники. Недалеко от священной ограды бьет такой сильный родник сладкой воды, что он обращается в реку, по которой могут плыть лодки. Вода из этой реки проведена в разные концы равнины, она орошает леса из высоких деревьев, где множество людей проводит летнее время и где масса птиц вьет гнезда и услаждает слух своим пением. Там много различных садов и лугов, с разнообразными кустами и цветами...

Там были пальмы с могучими стволами и прекрасными плодами, разных сортов ореховые деревья, приносящие жителям богатое пропитание. Вдобавок ко всему этому там растет в большом количестве виноград разных сортов, лозы его вьются высоко, их переплетения приятны глазу и доставляют радость без приложения труда...

(45) Между горами и в других местах страны панхелян живет много разнообразных зверей. Там много слонов, львов, леопардов, газелей и огромное число разных других животных, различного вида и удивительной силы. На острове было еще три больших города: Гиракия, Далида и Океанида. Вся страна очень плодородна и производит много вина разных сортов. Люди ее воинственны и употребляют боевые колесницы на древний манер. В политическом отношении они делятся на три категории: первая — жрецы, к которым присоединены и ремесленники, вторая — земледельцы, а третья — воины, к которым прибавлены пастухи. Жрецы верховодят во всех делах, решают споры и руководят общественными делами. Земледельцы, обрабатывающие землю, приносят урожай в общественные склады, и тот из них, кто лучше работал, получает особое вознаграждение при разделе, а жрецы решают, кто из них первый, кто второй, и так до десяти, и это делается для поощрения остальных. Так же точно пастухи пригоняют жертвенных животных и всех других в общественные гурты, с точным указанием их числа и веса. Ничто там не является личной собственностью, за исключением дома и сада, доходы же все сдаются жрецам, которые делят все справедливо, давая каждому его долю, жрецы же одни получают вдвойне...»

Еще далее по линии развития социально-утопических общественных порядков, соответствующих народно-мифологическим мечтаниям о «золотом веке», уводит читателя картина, нарисованная в Ямбуловом «Государстве Солнца».

ОСТРОВ СОЛНЦА

На Солнечном острове все жители трудятся равно, и все работы исполняются по очереди. Производство и потребление продуктов одинаково регламентируется, вплоть до установления рациональных смен растительной и мясной пищи. Справедливость является высшим благом «Солнечного государства». В нем при

обобществлении средств производства и потребления прокламируется также общность жен и совместное воспитание всех детей.

Ямбул рисует природу, жизненные условия, так же как и самих обитателей Солнечного острова, в подчеркнуто сказочных тонах. Остров находится где-то близ экватора, что обеспечивает его жителям постоянное равенство дня и ночи и прекрасный умеренный климат, подобный «вечной осени». Плодородная почва производит в изобилии всевозможные плоды. Горячие и холодные источники содержат воду для питья и купания. Люди, живущие на острове, отличаются гармоническим телосложением, эластичными членами, лишенной растительности кожей. Они обладают необыкновенной силой и красотой. Ямбул попадает на этот остров после разного рода сухопутных и морских приключений.

«(Диодор. Историческая библиотека, II, 55, I слл.) Что же касается острова, открытого в океане на юге, и чудесных рассказов про него, то мы считаем должным сообщить кратко об этом, после того как расскажем об обстоятельствах, приведших к его открытию. Жил некий Ямбул и с детства был предан обучению, а после смерти отца, который был торговцем, сам занялся его делом. Отправившись за благовоениями в Аравию, он и его попутчики были захвачены разбойниками. Сначала он вместе с одним из пленников был определен в пастухи, но потом они были захвачены эфиопами и уведены на эфиопийский берег. Их похитили за тем, чтобы они, будучи чужеземцами, послужили для очищения

страны. И вот эфиопы, устроив ночной праздник на берегу моря, по принесении жертв, украсили венками из цветов тех людей, которые посылались на остров для совершения очищения. И эти люди, проплыв по большому морю, кидаемые четыре месяца бурей, прибыли к тому острову. Он был круглый и имел в окружности около 5000 стадий. (56, 7 слл.) Климат [Солнечного острова] весьма умеренный, имея в виду, что он находится у экватора и жители не страдают ни от жары, ни от холода. Плоды на нем спеют круглый год, подобно тому как пишет поэт:

Груша за грушей, за яблоком яблоко, смоква за смоквой,
Гроздь же за гроздью, пурпурные, там созревая, сменялись.
(*Одиссея*, VII, 120—121)

И день там всегда столь же долог, как и ночь, и в полдень ни один предмет не отбрасывает тени, так как солнце находится в зените.

(57) Островитяне живут родственными и общественными группами, не превышающими 400 человек. Члены этих общин проводят время в лугах, так как земля приносит им все необходимое. Благодаря плодородию острова и умеренности климата плоды произрастают сами собой, в количестве большем, чем им нужно для пропитания... На острове много родников — те, что с теплой водой, служат для омовения и избавления от усталости, вода холодных — прекрасна на вкус и сообщает бодрость...

Жители [острова] весьма долговечны, они живут до ста пятидесяти лет, почти никогда не испытывая болезней. Если же кто становится калекой или страдает от физической немощи, то в силу необходимого закона он должен сам уйти из жизни. И есть у них еще закон, по которому они должны жить лишь определенное количество лет. По прошествии их они должны сами умирать удивительной смертью: у них есть растение особого рода, и если кто ляжет под него, то легко засыпает и умирает. (58) Они не вступают в брак, но воспитывают детей сообща, обращаясь с ними, как если бы они были родителями им всем, и любят их одинаково. Кормилицы часто меняют младенцев по порядку, чтобы матери не могли знать своих детей. И так как между ними нет никакого соперничества, они не испытывают общественных несогласий, придавая высокую цену внутреннему правопорядку».

Этот литературный жанр, как мы легко могли убедиться, довольно тесно связан с определенного рода географичес-

кой литературой, такой, как, например, описание плавания Эвдокса в первую очередь. Породившие же его идеи оказывали влияние на более серьезную географическую и этнографическую литературу. Черты «атлантизма» и социальной утопии неоднократно проступают у авторов, описывающих экзотические и первобытные племена. Так, например, они очень ярки у Страбона в его описании племени кавказских албанов. Особенно же отчетливо эти признаки проявились у Плиния при описании общественного устройства жителей о. Тапробана (Цейлона). В описании Плиния можно одновременно наблюдать и влияние жанра географического романа, и социально-утопических идей.

ОСТРОВ ТАПРОБАН

Плиний сообщает в книге VI своей «Естественной истории», что знакомство с общественными порядками о. Тапробана произошло благодаря вольноотпущеннику римского откупщика Анния Плокама, жившего в I в. н. э. и ведавшего сбором пошлин на берегах Эритрейского моря. Во время плавания этот вольноотпущенник бурей был занесен на о. Тапробан. Прожив там некоторое время, он изучил сингалезский язык, а затем возвратился вместе с послами от тапробанского царя к императору Клавдию. Плиний рассказывает об этом так:

«(Плиний. Естественная история, VI, 86) До сих пор мы передавали древние предания, однако при императоре Клавдии мы получили более точные сведения об о. Тапробане, и даже послы с этого острова прибыли в Рим. Вот как это случилось. Анний Плокам собирал для казны пошлину на Красном море; один из его вольноотпущенных, плывший в Аравию, был занесен бурей дальше Кармании. Он прибыл на пятнадцатый день в Гиппур, порт на Тапробане. Принятый с радушием царем и изучив за шесть месяцев местный язык, он рассказал царю о римлянах и императоре. Царь, решив завязать с ними дружбу, отправил в Рим четырех послов во главе с Рахией. От них мы узнали, что на острове 500 городов, порт на южной стороне, близ города Палезимунда, самого прекрасного и [являющегося] царской резиденцией с 200 000 жителей. Самый близкий от острова мыс

Индии называется Колиакум, в четырех днях пути, а посредине находится остров Солица. Море там светло-зеленого цвета и полно растений, которые цепляются за рулевые весла. Послы любовались у нас на Большую Медведицу и Плеяды, небо для них было как бы ново. Они уверяли, что и Луна у них видна над землей только с восьмого по шестнадцатый день [месяца]. Они рассказывали, что у них ночью блесит Канопа — большая звезда с ярким светом; но что их удивляло больше всего, так это то, что тень от их тел падала в сторону нашего, а не их неба и что Солнце подымалось слева и заходило справа, вместе того чтобы проделывать это в обратном порядке. Они говорили, что их богатства больше наших, но у нас больше [частные] состояния. У них нет рабов. У них не спят утром допоздна или в течение дня, дома не высоки, цены на хлеб всегда одинаковы, нет ни судей, ни наказаний. Почитают они Геракла, в цари выбирают старца, отличающегося мягким характером».

Плиний отмечает, как видим, черты социальной справедливости в общественном устройстве о. Тапробана, как бы в противовес римским политическим порядкам времен ранней империи, которыми он, Плиний, будучи сторонником сенаторской партии, имел основания быть недовольным.

Среди недавних находок греческих надписей на берегу Красного моря получено подтверждение реального существования раба или вольноотпущенника Анния Плокама, по имени Лисас, примерно в указанное Плинием время. Он оставил надпись на греческом и латинском языках и этим зарекомендовал себя в качестве грамотного человека. А это обстоятельство заставляет допустить, что Плиний, вероятно, воспользовался каким-либо сочинением этого Лисаса, имевшим социально-утопический характер и отражавшим мечты и надежды низших слоев античного общества в такой же, а может быть, даже и в большей мере, чем это имело место в произведениях Эвгемера и Ямбула.

Из пересказа, содержащегося в тексте Плиния, явствует, что как природа о. Тапробана, так и социальное устройство населения во многом напоминает порядки Солнечного острова Ямбула, послужившие в известной степени прототипом для исторически реального «Солнечного государства», созданного восставшими пергамскими рабами под руководством их вождя Аристоника в Малой Азии в 30-е годы II в. до н. э.

Из всего сказанного следует, что носители социально-утопических и революционных идей древности — поэты,

философы и ученые, бывшие нередко сами выходцами из рабов и, как упомянутый только что Лисас, — видимо, араб по национальности, раб или отпущенник римского откупщика Анния Плокама, — весьма охотно пользовались соответствующей географической литературой и сами прибегали к жанру географического романа для популяризации своих социальных мечтаний, поскольку география заокеанских стран была связана с представлениями о чудесных землях и островах с райским климатом и плодородием, населенных людьми, живущими по справедливым законам, в условиях «золотого века». Картины эти служили живым укором тем жестоким общественным порядкам, которые уже за много веков до того утвердились в средиземноморских странах, но которые, как твердо верили эти античные мечтатели, должны исчезнуть с наступлением нового «золотого века».

Наряду с этими социальными мечтаниями мы находим в рассказе Плиния все аксессуары, характеризующие жанр «океанского романа»: тут и кораблекрушения, и бури, и водоросли, препятствующие продвижению судна, и чужие созвездия на небе, и тень, падающая не в ту сторону, как в северном полушарии, и Солнечный остров поблизости от Тапробана, как бы для пущей связи этого рассказа с островом Солнца Ямбула.

География, в особенности же описания экзотических стран, наполненные мифическими подробностями, давала для ищущих и недовольных умов древности весьма благоприятную пищу. Океанские плаванья, сообщая тем, кто знакомился с их описаниями, всю остроту путешествия в неизвестность, вызывали в читателях также ощущение возврата в отдаленное, счастливое и блаженное прошлое человечества, в образе которого отдельные умы пытались предвосхитить и угадать также черты вождя будущего.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
<i>Введение</i>	
Рассказ египтянина Синухета	7
Рассказ о кораблекрушении	8
Сказания о походе аргонавтов	9
Древнегреческие представления о земной поверхности и об океане	11
<i>Древнейшие плавания по Эритрейскому морю (Индийскому океану)</i>	
Плавания в страну Офир	16
Плавание Скилака из Карианды	18
Плавание Неарха	22
Плавание финикийцев при фараоне Нехо	30
Плавания Эвдокса	32
<i>Плавания по Атлантическому океану к югу от Геракловых столпов</i>	
Плавание Сатаспа	38
Путешествие Эвтимена	40
Плавание Ганнона	43
Плавание Полибия	50
Финикийские плавания на «Острова блаженных»	53
<i>Плавания по Атлантическому океану к северу от Геракловых столпов</i>	
Плавание Гимилькона	60
Плавание Публия Красса	64
Плавание Питея из Массалии	67
Плавание Патрокла	72
<i>Социально-утопические мотивы в произведениях романическо-географического жанра</i>	
Остров Панхайя	78
Остров Солнца	80
Остров Тапробан	82

Лев Андреевич Ельницкий
ДРЕВНЕЙШИЕ ОКЕАНСКИЕ ПЛАВАНИЯ

Редактор *И. Л. Перваков*
Художественный редактор *С. М. Полесицкая*
Технический редактор *Э. Н. Виленская*
Редактор кёрт *Г. Н. Мальчевский*
Корректор *Т. К. Кузина*

Т—05059. Сдано в производство 18/1—62 г.
Подписано в печать 17/V—62 г. Формат 84×108/32.
Печатных листов 2,75. Условных листов 4,51
Издательских листов 4,45. Зак 102
Тираж 58 000. Цена 13 коп.

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15, Географгиз
Московская типография № 3 „Искра революции“ Мосгорсовнархоза
Переулок Аксакова, дом 13

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

*с 1960 года приступило к изданию
„Библиотеки выдающихся деятелей
мировой географической науки“*

Читатель получит книги о замечательных путешествиях по океанам и материкам Земли, написанные самими путешественниками. Издания этой библиотеки, тщательно подготовленные учеными и картографами, выходят в едином высокохудожественном оформлении. обстоятельные вступительные статьи, обширные комментарии, разнообразный справочный и иллюстрированный материал делают выпуски «Библиотеки» не только увлекательным чтением, но и ценными научными документами по истории географических исследований. Собранные воедино, они воссоздадут перед читателем полную картину открытия материков и океанов Земли, развернут яркую летопись человеческого мужества.

Вышли в свет:

БЕЛЛИНСГАУЗЕН Ф. Ф. Двукратные изыскания в Южном ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 1820, 1821 годов, совершенные на шлюпах «Восток» и «Мирный». 1960 г., 484 стр., ц. 1 р. 84 к.

БУГЕНВИЛЬ Л. Кругосветное путешествие на фрегате «Будёз» и транспорте «Этуаль» в 1766, 1767, 1769 годах. 1961 г., 358 стр., ц. 1 р. 37 к.

ГОЛОВНИН В. М. Путешествие на шлюпе «Диана». 1961 г., 480 стр., ц. 1 р. 72 к.

КУК ДЖ. Плавание на «Индевере» в 1768—1771 г. 1960 г., 504 стр., ц. 2 руб.

Путешествия Христофора Колумба (дневники, письма, документы). 1961 г., 516 стр., ц. 1 р. 89 к.

Сдавайте Ваш заказ в магазины Книго-торга, потребительской кооперации или в отдел „Книга—почтой“.

Получив своевременно заказ, магазины смогут своевременно обеспечить его выполнение.

13 коп.

ГЕОГРАФИЗ

1962